

О детстве в оккупации, работе в «почтовом ящике» и становлении ЦЭМИ на базе лаборатории академика Немчинова

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1656>

🗣️ 19 декабря 2013

Собеседник

Гаврилец Юрий Николаевич

Ведущий

Винокурова Наталья Анатольевна

Дата записи

Беседа записана 19 декабря 2013 и опубликована 31 января 2018.

Введение

Математик, экономист и социолог Юрий Гаврилец вспоминает о детстве, проведенном в оккупации, об отце, попавшем в плен, и о матери, убежденной коммунистке, преподававшей астрономию в школе. Благодаря родителям будущий ученый рано заинтересовался астрономией и философией. Это и определило его поступление на астрономическое отделение мехмата Московского университета. После университета последовало распределение в один из закрытых институтов Московской области. Но «испорченность университетским образованием» и «склонность к демагогии» плохо сочетались с атмосферой и дисциплиной оборонных учреждений. Увлечение теорией игр и кибернетикой привели Юрия Николаевича в лабораторию экономико-математических методов под руководством академика Немчинова, на базе которой был создан Центральный экономико-математический институт Академии наук СССР. Значительная часть беседы посвящена сотрудникам ЦЭМИ и научным исследованиям, проводившимся в институте.

О семье и жизни в оккупации

Наталья Анатольевна Винокурова: Давай начнем с самого начала. Расскажи о своем детстве: где родился, кто твои родители, чем занимались, где ты учился. Начнем с детства.

Юрий Николаевич Гаврилец: Хорошо. Я из семьи интеллигентов, которые преподаватели в техникуме, и мама и папа. Но мой дед землю пахал, по отцу. А по матери дед был в компании «Зингер», что-то распространял, коммивояжер, по-видимому.

Н.В.: А это откуда — с Украины?

Ю.Г.: Это Кубань, Краснодарский край. Отец мой был директором и завучем техникума в свое время. Во время войны попал в плен, бежал из плена. И в результате у него была испорчена биография. Но в партии он оставался, вот что удивительно.

Н.В.: А как он в плен попал?

Ю.Г.: Он не воевал, а был в обороне. Во время эвакуации в общем-то попал.

Н.В.: То есть вы успели эвакуироваться, в оккупации не были.

Ю.Г.: Эвакуироваться не успели. Это целая история была. Разбомбили нашу колонну. Я видел, как люди тонули, переправляясь через Лабу. Мы на телегах все ехали. Разбомбили. В результате отец с одними оказался. Мама, две ее сестры и трое детей (еще один из другой семьи) были в другой стороне, разделены были и добирались потом отдельно, вернулись. Отец тем временем попал в плен, бежал из плена. Там целая история, долго рассказывать. Единственное могу сказать, что мама ходила к гадалке во время оккупации, мы четыре или пять месяцев были, та сказала: путь хороший у тебя, они оба находятся в казенном доме, мужа ты еще увидишь, а сестру нет. Сестра была партизанкой.

Н.В.: Погибла, да?

Ю.Г.: Погибла, их поймали. Дурацкая была организация. В плавни зимой всех комсомольцев молодых, толковых ребят запустили... В общем, была плохая организация, их всех выловили и повесили. И она кричала, как Зоя Космодемьянская. А мама была сталинисткой всю жизнь, так сказать.

Н.В.: А что она преподавала?

Ю.Г.: Математику, физику.

Н.В.: Математику. И отец?

Ю.Г.: Отец — математик, да.

Н.В.: У тебя это наследственное.

Ю.Г.: В каком-то смысле да. И из-за того — это моя версия, — что отец побывал в плену, он долго на хороших местах директором не оставался, его регулярно снимали, на его место ставили получше, из крайОНО и так далее. И поэтому мы переезжали, в разных городах жили: Туапсе, Краснодар, Лазаревское, Кропоткин...

Н.В.: То есть там, где работа была для отца.

Ю.Г.: Где была для отца работа.

Н.В.: А ты помнишь оккупацию? Сколько тебе лет было?

Ю.Г.: Я помню оккупацию, мне было семь лет, я все помню. Я помню, как я не захотел в немецкую школу. Послали меня в первый класс...

Н.В.: А что значит «немецкая школа»?

Ю.Г.: Я так ее назвал маме: «Я не пойду в немецкую школу!» Я помню, как меня немец попросил ему котелок вымыть, а я отказался.

Н.В.: Да жив еще остался, слава богу!

Ю.Г.: Я помню, мать с сестрой была с нами, младшего отправили куда-то в горы. В общем, были неприятные моменты. Это я все помню.

Н.В.: А что значит «в горы отправили»?

Ю.Г.: Там мамина сестра старшая жила. К ней отправили младшего. Она там была с мужем, что ли.

Н.В.: Младшего — кого, твоего брата?

Ю.Г.: Валерку, моего младшего брата, да.

Н.В.: Спасали просто.

Ю.Г.: Да. Тяжело было троих малых детей.

Н.В.: А вас — трое детей?

Ю.Г.: Трое детей, да. Значит, средний Бауманку кончил, а младший — мехмат тоже. Так что в разных школах...

Н.В.: А немцы, когда уходили, вас там не сожгли, ничего?

Ю.Г.: Очень тяжело было. Они на постое останавливались часто и все забирали. Первые немцы были нормальными, когда целый месяц жили. Инженер, бывшие коммунисты, кстати говоря...

Н.В.: Немецкие, да?

Ю.Г.: Да, даже могу сказать, что 25 декабря 42-го года они праздновали и пели «Интернационал» по-немецки. Вот так, да.

Н.В.: И они считали, наверное, что спасают Россию? Что они думали?

Ю.Г.: Этого ничего не знаю. Это были инженер и денщик, они вдвоем жили у нас. Ничего плохого абсолютно не было, могу сказать...

Н.В.: Не сделали.

Ю.Г.: А вот когда они уехали, когда уже отступать стали... Мы в подвале жили несколько дней перед тем, как освободили. В подвале, представляешь!

” Несколько семей жили в подвале. Там уже было, конечно, страшно. Бомбили, в наш дом упала зажигалка, по соседству с нашим домом три бомбы упало, разбомбило там, где люди жили, второй разбомбили аптеку.

Н.В.: Это уже, наверное, наши бомбили, наступали...

Ю.Г.: И наши, и немцы.

Н.В.: И немцы тоже.

Ю.Г.: И наши, и немцы бомбили. Я помню, после того как разбомбили аптеку, мы какие-то сладкие таблетки ели как конфеты, сосали (*смеется*).

Н.В.: А голодно было?

Ю.Г.: Конечно. При немцах, могу сказать, что хлеб кукурузный продавали с песком. Есть невозможно было. Его отмачивали, как золото, песок оседал, и вот эту штуку ели. Ну, это история своя. В результате мы переезжали, я в разных школах учился, и это мне как-то помогло...

Н.В.: Школу где же ты кончал все-таки?

Ю.Г.: Два самых важных, наверное, класса — это в Краснодаре, девятый и восьмой класс. Там я сформировался уже как человек...

Н.В.: А что на тебя повлияло, как ты сформировался?

Друг-фронтовик Яков Швец

Ю.Г.: Значит, я сформировался так. Во-первых, мама, она коммунистка, честная такая и так далее. Затем три года в Лазаревском у меня был друг старше меня на десять лет, Яша Швец. Он экстерном сдавал за десятый класс... Ушел на войну мальчишкой, не закончив десятый класс, вернулся с орденами и медалями и был преподавателем — физруком и военного дела...

Н.В.: А, в Лазаревском!

Ю.Г.: В Лазаревском. И мы с ним дружили.

Н.В.: То есть он герой был, вернувшийся.

Ю.Г.: Его зажимали, выгоняли из партии...

Н.В.: А за что?

Ю.Г.: По личным каким-то делам, моральным уродом назвали, написали в местной газете. В общем, такие гадости. Он очень хороший честный человек. И он мне показывал, что такое жизнь, что такое война, рассказывал, понимаешь? Но ему не удалось закончить, и он застрелился в конце концов. Почти на моих глазах.

Н.В.: Странно, что преследовали, потому что ведь... У меня такое было впечатление, что после войны ко всем вернувшимся относились с особым уважением.

Ю.Г.: Это был 50-й год, уже пять лет прошло после войны, в общем, вот так...

Н.В.: И он уже не был таким...

Ю.Г.: И он сформировал меня, так сказать, этически, что ли.

Н.В.: Отношение к жизни.

Ю.Г.: К жизни, к людям. А восьмой и девятый класс...

Н.В.: Даже, думаешь, важнее, чем родители?

Ю.Г.: С ним я уже был повзрослей, тут трудно сказать. Отец мало участвовал в таком воспитании, мама больше.

Любовь к чтению

Н. В.: Отец деньги просто зарабатывал.

Ю. Г.: В то время не было такого термина — зарабатывать денег.

Н. В.: Да-да, но все-таки.

Ю. Г.: Ну да, он директор школы.

Н. В.: Много дел. А мама свои коммунистические идеалы тебе тоже как-то...

Ю. Г.: Конечно! Справедливость, за народ...

Н. В.: Справедливость, да.

Ю. Г.: Ее сестра-партизанка погибла. Так что... Вот, и что такое восьмой-девятый класс для меня? Я стал увлекаться философией.

Н. В.: Откуда это пришло?

Ю. Г.: Во-первых, я очень много читал...

Н. В.: От этого Яши пришло увлечение?

Ю. Г.: Нет-нет.

Н. В.: Просто сам, да?

Ю. Г.: Абсолютно. Я очень много читал. Мама и папа — они читали много.

Н. В.: Тоже читали много.

Ю. Г.: Конечно. Меня русская литература, ну и всякая, какая попало... Я скажу, что не встречал людей, которые бы читали больше, чем я, даже таких, как Волконский, Дадаян. И еще есть некоторые...

Н. В.: Да-да, наши интеллектуалы.

Ю. Г.: Да. Есть книжки, которые без обложки, оборванные... Тогда не достанешь ведь книжки!

Н. В.: Да-да.

Ю. Г.: И я в Ленинке уже потом специально по названию находил, кто же написал эту книжку...

Н. В.: Что ты прочитал.

Ю. Г.: Да.

Н. В.: А как ты считаешь, любовь к чтению может быть в генах, да? Кто-то любит читать... Или все-таки ты думаешь, что это в семье тебя приучили?

Ю. Г.: Я нет, я, если говорить о генах, то... Встроенный во все инстинкты: любовь к новому, к знанию и так далее — такой есть ген, на мой взгляд, я не биолог. Но чтобы они получили развитие, нужны условия. У нас была этажерка с книгами. Я перечитывал, специально убирал книжку какую-то, прятал, чтобы ее забыть как бы. Так вот...

Н. В.: Не поняла, зачем прятал?

Интерес к астрономии

Ю. Г.: Читая книжки, я просто пришел... Мама начала преподавать астрономию, ее заставили преподавать астрономию. И я вместе с ней учил астрономию, начиная с пятого класса, а астрономия в десятом классе преподавалась. Меня потянуло к звездам, что такое конечно-бесконечный мир. Потом был словарь у отца философский, он до сих пор у меня какого-то года, я его стал читать. Там, например, теория иероглифов. Я смотрю: я же так и думал, что то, что мы видим, — это некие иероглифы действительности.

Повстречался в школе в восьмом классе, учился со мной, наши пути пересеклись, Лев Лебедев такой, мой друг, который через много лет меня крестил, в 91-м году. Можно показать, фотография вон та. Это в 95-м году я своего друга другого к нему привез... Он знаменит...

Н.В.: А вы в одной школе?..

Ю.Г.: В одном классе. Его мать артистка была драмтеатра...

Н.В.: Вашего, Краснодарского...

Ю.Г.: В Краснодаре. Краснодар — очень образованный город, очень культурный.

Н.В.: И вы там как-то уже вместе...

Ю.Г.: И мы стали вместе заниматься.

Н.В.: Компания уже какая-то сложилась.

Ю.Г.: Вдвоем и еще некоторые, Валентин Худoley и некоторые другие. Но должен сказать, что за нами КГБ сразу стало следить.

Н.В.: Еще когда вы школьниками были.

Ю.Г.: Да, с восьмого-девятого класса.

Н.В.: А как вы это узнали, что за вами следят?

Ю.Г.: У нас англичанка молодая была, преподавала английский. Она сама говорила, что она из КГБ. Она очень интересовалась... А потом мы просто уже узнали, я дальше могу рассказать об этом. Вот, и философия пошла. В десятом классе я думал, куда же мне поступать. То, что в Москву, в МГУ — это ясно мне было.

Н.В.: Да, лучший вуз.

Ю.Г.: Я круглый отличник с первого по десятый класс.

Поступление в МГУ

Н.В.: А было тогда, что в МГУ невозможно поступить? Не было такого страха?

Ю.Г.: Говорили. Я был уверен в себе. Я не знал, что на самом деле трудно, потому что все-таки... Вот, и куда идти? Я думал: либо философией надо заниматься, либо точными науками, астрономией, физикой. Но физика меня не так влекла, астрономия — да, это романтично, это будущее. Но потом я сообразил, что все-таки становиться философом, не имея образования серьезного, — это несерьезно, и пошел поступать на мехмат, на астрономическое отделение.

Н.В.: И сразу поступил.

Ю.Г.: И сразу поступил. Прошел собеседование, причем очень серьезное собеседование. Там спрашивали, какую я музыку люблю, классическую или...

Н.В.: Да?

Ю.Г.: Да, и я сказал: «Вторая венгерская рапсодия Листа». Про философию [спрашивали]. Я очень удивил их... Еще у меня была ненормально хвалебная характеристика из школы, потому что я был самый-самый. Когда меня там спросили, что интересует в астрономии, ответил: «Ну как! Происхождение Вселенной!» — «Ну и что? Какие ты знаешь?» Я говорю: «Гипотеза Джинса, там случайно, это идеалистическая. А вот гипотеза Отто Юльевича Шмидта более реалистична и так далее». А меня спрашивает, [один] из трех: «Ну да, это все идеология. А наука?» И тут я врубил им, говорю: «А вообще есть закон сохранения не только

энергии, закон сохранения момента количества движения». Я сам не так давно, когда готовился, [выяснил], что это произведение массы на скорость и так далее.

Н.В.: Ну да.

Ю.Г.: Я одну задачу не решил.

Н.В.: Интересно, что было такое: не просто экзамен, а серьезное собеседование.

Ю.Г.: Нет, экзамена не было, только собеседование.

Н.В.: Потому что у тебя медаль была золотая.

Ю.Г.: Да, серебряная правда.

Н.В.: Серебряная.

Ю.Г.: Мне не дали золотую. Это уже линия КГБ и так далее. Я одну задачу не решил и уже пошел, дошел до двери — я ее решил. Но я даже не вернулся, все равно я прошел.

Н.В.: А не помнишь, кто принимал у тебя собеседование, кто был, какие-то известные ученые?

Ю.Г.: Трудно [вспомнить], потом я подозревал одну по небесной механике... Так я и не восстановил, кто...

Н.В.: Не восстановил.

Ю.Г.: Может быть, Воронцов-Вельяминов там был, но точно я их не вспомнил.

Н.В.: Не помнишь, кто с тобой беседовал?

Ю.Г.: Нет-нет, я и тогда...

Н.В.: Потом не стали они твоими преподавателями.

Ю.Г.: Стал, наверное, кто-то из них, думаю, что кто-то стал, но...

Н.В.: Но не помнишь.

Ю.Г.: Не помню, да. Ну вот, так я [поступил]...

Студенческие годы

Н.В.: Жил в общежитии?

Ю.Г.: Жил, да. Только что открылся этот университет. Мы жили по одному, девчонки плачут, которые там живут, потому что все разъединены. Ребята каждый день пишут домой письма. А я и еще старше меня там был один, мы...

Н.В.: То есть скучали.

Ю.Г.: ...мы были более, потому что мы переезжали все время, и у меня уже был некоторый иммунитет выработан к новому, к новым местам, к общению. Но тяжело, первый семестр был тяжелый. Вот так я стал студентом.

Н.В.: А университет в то время был ведущим вузом, центром.

Ю.Г.: Он не только был центром научным — он и сейчас центр, он был культурным [центром]. И туда все знаменитости приезжали. Там пела Гоар Гаспарян, там этот, который в Израиль уехал певец, Михаил Александрович. Там симфонические оркестры часто выступали...

Н.В.: В вашем Доме культуры.

Ю.Г.: Не в Доме культуры — на Ленгорах, в актовом зале. И в клубе — там клуб был и актовый зал. Скажем так, раньше я с классической музыкой был знаком в основном по радио. Хотя я четыре года учился на фортепьяно...

Н.В.: В школе когда?

Ю.Г.: Первые четыре класса, да. А в университете я уже формировался культурно, уже, так сказать, оттачивался...

Н.В.: И это только ты или вообще это было в студенческой среде?

Ю.Г.: Это вообще, вообще... Мы стояли, помню, очень долго, сколько-то часов, чтобы картины Дрезденской галереи...

Н.В.: Посмотреть тогда.

Ю.Г.: Вот эту картину [репродукцию] я купил там. Дорого было. Десять картин из Дрезденской галереи. У меня осталась вот эта. Тициановская картина до сих пор одна у меня.

Н.В.: Это еще с тех времен*, с Дрезденской галереи?

* Выставка картин из собрания Дрезденской галереи состоялась в Москве в 1955 году.

Ю.Г.: Да, с тех времен, да. Был альбомчик, десять таких картин. Одна осталась, остальные не знаю куда подевались. Вот, пошел в Университет. Могу сказать коротко: мои друзья поступили в Ленинградский университет.

Н.В.: Из Краснодара.

Ю.Г.: Из Краснодара, да, из школы. Четыре человека из нашего класса краснодарского в Московский университет поступили, что тогда не так часто встречалось.

Н.В.: Да-да, то есть сильная школа была.

Ю.Г.: Это была гимназия.

Н.В.: А учителя еще старые были?

Ю.Г.: Старые. Но были там разные. Одна учительница, мы ее называли Партизанкой, потому что она была в партизанском отряде, она была не очень грамотная в истории. В школе, например, я вспомнил, был директор, но это уже в Кропоткине, некий Золотницкий. Он расписывался на латыни.

Н.В.: Еще учил латынь.

Ю.Г.: Да, представляешь, как забавно, его подпись была на латыни. Так вот, в университете... Да, умер Сталин.

 Моего друга Лёвку Лебедева исключили первый раз из комсомола за то, что в день смерти, когда все плакали, он иногда улыбался. Его трижды исключали из комсомола, и он трижды восстанавливался.

Н. В.: А почему он восстанавливался? То есть ему...

Ю. Г.: Так нельзя было жить дальше, нельзя было поступить в университет или ещекуда-то, на работу. Это по необходимости, хотя он был... Мы с ним уже очень критически... Он написал в девятом или восьмом классе стихотворение «Деревня», у Пушкина есть такое стихотворение, и Лёва написал. Потом ему сказали в КГБ: «20 лет, статья 58-я, пункт 10г».

Н. В.: То есть такое разоблачительное, да?

Ю. Г.: Пропаганда и агитация против советской власти.

Н. В.: Против советской власти. У вас же деревни, наверное, рядом там были, юг все-таки.

Ю. Г.: Куда мы ездили к моей бабке, хутор. Моя бабка тогда еще жила...

Н. В.: Она на хуторе еще жила.

Ю. Г.: И тогда мы видели этот ужас. Это был 51-й. Разоренный [хутор], жрать нечего. Причем Краснодарский край!

Н. В.: Да, богатый.

Студенческий журнал и допросы на Лубянке

Ю.Г.: Так вот, мы продолжили занятия. Лёва-то на Восточном факультете был в Питере, я — астроном. И мы решили журнал делать, объединять советских студентов, которые критически настроены. Мы считали, что если бы Ленин был жив, было бы лучше, а вот Сталин, когда его так хвалят... Но я писал в КГБ потом, что мы видели многие недостатки, но считали, что их можно исправлять...

Н.В.: Это тебя вызывали, еще когда ты студентом был?

Ю.Г.: Да, когда студентом...

Н.В.: По поводу этого журнала.

Ю.Г.: Да, по поводу этого журнала.

Н.В.: А вам удалось выпустить? Это рукописный журнал?

Ю.Г.: Нет, сразу прекратилось, я даже не получил на руки. И нас приглашали...

Н.В.: А что значит «не получил на руки»? Вы все-таки подготовили первый номер?

Ю.Г.: Питер был...

Н.В.: Инициатор.

Ю.Г.: Там инициаторы, да.

Н.В.: А ты статью какую-то написал туда?

Ю.Г.: Нет-нет, я ничего не успел написать. Кстати, там однокурсник Горбачева специально со мной познакомился... Это потом я уже понял и кто он такой и прочее. Но это не хочется мне вспоминать. Потом уже в интернете я нашел эту фамилию, кем он работает и так далее.

Н.В.: То есть стукачи, ты имеешь в виду.

Ю.Г.: Нет, он задание имел.

Н.В.: А, он специально.

Ю.Г.: Да, задание. Стукачи — это...

Н.В.: Да, другое.

Ю.Г.: Нет-нет, он имел задание. Но важно то, что нас никого не выгнали из университета. Более того, нам говорили: «Молчите!» Тут началась сессия, зачеты, я хожу в Главное здание. А у меня же тетка в Москве...

Н.В.: В Главное здание — имеется в виду на Лубянке.

Ю.Г.: На Лубянке. Я отвечаю: «Да я говорю, что к тетке езжу». Запрещали говорить о том, что нас допрашивают.

Н.В.: Да-да-да, что вас допрашивают. Но это время оттепели было.

Ю.Г.: Не было, еще не наступила, она только наступала...

Н.В.: А, даже оттепель еще не наступила.

Ю.Г.: Только наступала.

Н.В.: Сразу после смерти Сталина, да-да.

Ю.Г.: Год прошел после смерти Сталина. И я считаю, что нас спасло то, что с Берией там разбирались в это время...

Н.В.: Им не до вас было.

Ю.Г.: Не успели. В общем, эта закончилась история. Через год, кстати, уже выгоняли с мехмата, с физфака и прочее...

Н.В.: Если вернуться к науке, интересно было учиться в университете?

Ю.Г.: Учиться было интересно, конечно, хотя в основном на первом месте все-таки, наверное, общекультурное было развитие. Правда, к старшим [курсам] я и астрономией занимался, и теорией относительности. Я думал, что пойду по теоретической части на кафедре небесной механики. Диплом у меня был хороший, в газете «Московский университет» о нем написали.

Н.В.: То есть ты сразу считал, что будешь наукой заниматься.

Ю.Г.: Да-да, я никогда...

Н.В.: Это еще со школьных лет уже было ясно для тебя.

Ю.Г.: Да-да, со школьных, да.

Н.В.: И в университете — что ты не пойдешь куда-то там, а будешь наукой...

Ю.Г.: Да-да.

Н.В.: Это внутреннее побуждение... В то время в науке платили же намного больше...

Ю.Г.: Да о деньгах вообще не было речи!

Н.В.: Да, тогда это не было стимулом, мотивацией, чтобы пойти.

Ю.Г.: Не было, конечно. Наука, как-то это было... Это аксиома, совершенно ясно...

Н.В.: Романтично довольно-таки.

Свободное распределение после университета

Ю.Г.: И романтика еще, астрономия. Закончил я без троек. Диплом не красный, но и без троек. И возникла проблема с трудоустройством, потому что вдруг меня не берут... Я был распределен в Подлипки, где эти два института...

Н.В.: В оборонку.

Ю.Г.: В оборонку. Причем не только я был распределен — я за собой трех человек из своей группы привел, которые не могли устроиться. Там моя специальность именно была нужна, другая специальность. Я небесный механик, кого нужно направлять, а какой-нибудь астрофизик, звездной астрономии там не нужно.

Н.В.: Не нужно было. И ты их уговорил, чтобы они взяли этих...

Ю.Г.: Да, им куда-то надо было идти.

Н.В.: А тогда это был большой уже институт.

Ю.Г.: Да. Причем мне дали даже общежитие. Они на частном секторе все, а меня взяли с предоставлением общежития.

Н.В.: Тогда была проблема для немосквичей, иногородних студентов получить распределение, да.

Ю.Г.: Конечно. Но я женился как раз, мой первый брак, всего их было два.

Н.В.: Поэтому стал москвичом.

Ю.Г.: Нет! Я не стал москвичом, это уже потом.

Н.В.: Но жена первая была москвичка.

Ю.Г.: Ну и что? Что ты, у меня принципы были тогда. Прихожу, а меня не берут: нет для вас общежития.

Н.В.: То есть пообещали, а потом сказали...

Ю.Г.: Но что я получаю? Мечту всех студентов — я получаю свободное распределение! Об этом только мечтать могли!

Н.В.: Да-да, тогда же очень строго было.

Ю.Г.: То есть если распределен туда, там сиди три года.

Н.В.: А этих взяли, кого ты привел?

Ю.Г.: Взяли. Они живут на частном, платят.

Н.В.: Их взяли, а тебя нет.

Ю.Г.: Взяли всех, да.

Н.В.: Ты считаешь, это с КГБ хвост пришел?

Ю.Г.: Слушай сюда. Поскольку там мои друзья, потом мне стало известно... Но я, правда, уже понял, когда увидел характеристику. Там приписка: «Имеет склонность в демагогии» (*Винокурова смеется*). Я был в Студкоме мехмата, в Студсовете всего большого Университета, представляете, «имеет склонность...»! А дальше...

Н.В.: А кто писал эти характеристики?

Ю.Г.: Вот, слушай. Через несколько лет мне ребята сказали, мы общались на какой-то встрече — фамилию не хочу называть, потому что, может, неправильно назову, — им кадровик сказал: «Был тут один, но нам не нужны люди, испорченные высшим образованием».

Н.В. (*смеется*): Это в науке, да?

Ю.Г.: Это он сказал, да: «Испорченные университетским образованием не нужны».

Н.В.: А, университетским все-таки.

Ю.Г.: Речь шла обо мне...

Н.В.: Это кадровик оттуда, из Подлипков.

«Почтовый ящик»

Ю. Г.: Да-да. А когда я поступил в НИИ-5*, там хороший отдел, Юдин, Гольштейн там были, кадровик...

Н. В.: Туда сам устроился?

Ю. Г.: Сам, через знакомых. Я пришел, а там как раз брали много с мехмата, очень много. Они потом в ЦЭМИ оказались.

Н. В.: Я знаю, тоже оборонное предприятие.

Ю. Г.: Да, точно такой же оборонный.

* НИИ-5 — это бывший Институт №5 Главного артиллерийского управления Министерства обороны СССР, ныне Московский НИИ приборной автоматики, входит в Концерн «Алмаз-Антей».

Н. В.: И математики эти сильные, Юдин и Гольштейн.

Ю. Г.: Да-да.

Н. В.: Известные уже математики.

Ю. Г.: И там сказали: «Ну, все вы университетом испорчены, все равно».

Н. В.: Все равно.

Ю. Г.: Вот, удивительно. А я боялся, думал, куда же мне теперь идти. Так закончилась моя [история с трудоустройством]. Я стал работать в «ящике», теория стрельбы. И там вдруг увидел...

Н. В.: Сколько лет там проработал?

Ю. Г.: Два года. Но я могу сказать, что месяц работал грузчиком, потому что мне надо уже семью...

Н. В.: До того, как поступил.

Ю. Г.: Я с дипломом университета не мог устроиться грузчиком, в одно место все-таки устроился.

Н. В.: Это пока не нашел работу.

Ю. Г.: Конечно, потому что уже как, и жена без работы, оформляет секретность. Это прекрасные воспоминания у меня. Народ, простой народ...

Н. В.: Прекрасные о работе грузчика.

Ю. Г.: Да. Я ездил, возил начальству какие-то кирпичи, навоз. Там бригада была. На завод, Деревообделочный комбинат №1. Я, правда, там позвоночник повредил и так далее.

Н. В.: И потом пришел в «почтовый ящик»...

Ю. Г.: А потом меня вдруг берут в «ящик» — и все, я начинаю работать. Коллектив хороший, сотрудники — бывшие военные. Но жесткая дисциплина и идеология. Пример могу вам назвать такой. 59-й год. Я говорю: «Вот, Пастернака выгоняют [из Союза писателей]. Вообще интересно бы почитать эту книжку, „Доктор Живаго“!»

Н. В.: Да-да, «Доктор Живаго».

Ю. Г.: Мне один друг, кандидат наук, мехматянин, вместе с Женей Гольштейном [работал], говорит: «Юра,

зачем тебе ковыряться в грязи, чтобы только убедиться, что это грязь!» Я ему говорю: «Нет...»

Н. В.: А он не читал, конечно?

Ю. Г.: Нет, конечно, никто не читал. Я не могу уже просто, понимаешь, в такой обстановке. Это просто один пример, но типичный. Хотя там народ хороший, дружелюбный...

Н. В.: И талантливые люди. Мы же многих знаем. Гольштейн — он у нас работает всю жизнь.

Ю. Г.: Это не Гольштейн, но это его сотрудник, да. И [Волконский](#). Вот с Волконским мы там и сблизились. Волконский перед этим был исключен из комсомола, из аспирантуры...

Н. В.: И он тоже ведь университетский.

Ю. Г.: Конечно, он старше меня на три года. И мы с ним, конечно, сблизились. Я уже там не мог, тяжело как-то ощущал себя, надо куда-то переходить. У меня была мысль в аспирантуру. Но я увидел теорию игр — и все! Теория игр, кибернетика — вот это!

Н. В.: А теория игр, кибернетика — это по работе или это тоже был свой интерес?

Ю. Г.: Теория игр — по работе. Кибернетика, можно сказать, тоже по работе, потому что там был такой [Игорь Андреевич Полетаев](#). У него книжка «Сигнал», о кибернетике. Потом [Мурзин](#) такой, компьютеры писали музыку у него. И там тоже обстановка была хорошая, культура...

Н. В.: И все из вашего «ящика», да?

Ю. Г.: Да.

Н. В.: То есть эти «ящики» все-таки собирали тогда элиту.

Ю. Г.: А как же! Конечно.

Н. В.: Собирали элиту, да.

Ю. Г.: Собирали элиту, да. Там и платили получше.

Н. В.: А как вы с Витей* про ЦЭМИ** узнали?

Ю. Г.: Слушайте.

Н. В.: Вернее про лабораторию немчиновскую.

* Витя — это Виктор Александрович Волконский.

** ЦЭМИ — Центральный экономико-математический институт Академии наук СССР, созданный в 1963 году на базе организованной академиком В. С. Немчиновым лаборатории экономико-математических методов.

Лаборатория экономико-математических методов под руководством Василия Немчинова

Ю. Г.: Значит, мы договорились, что надо уходить. Меня интересовала уже теория игр и поведение человека точными методами. То есть, оказывается, можно математику использовать для описания человека, общества. Это в книжках по теории игр. Нейман, Моргенштерн — их книжки.

Н. В.: Да-да, я помню уже что-то.

Ю. Г.: И куда идти? Витя говорит: «У меня есть приятель Михалевский, и он говорит, что открывается лаборатория академика [Немчинова](#)». А только что прошло совещание, кажется, в апреле 60-го года, Всесоюзное совещание по матметодам в экономике, где борьба была! Потому что марксисты кондовые, они были против всякой математики. Маркс же не знал математики, значит, и не надо. Ну, я готов был...

Н.В.: А где это совещание было?

Ю.Г.: В Москве. Я не был на этом совещании.

Н.В.: При ЦК или где это?

Ю.Г.: Да нет! Совещание всесоюзное...

Н.В.: Типа конференции.

Ю.Г.: Да, Всесоюзное совещание оно называлось.

Н.В.: Тогда совещания были.

Ю.Г.: И вот имена стали известны: Немчинов, Канторович и другие. А мы в «ящике» занимались линейным программированием экономики, но... В результате...

Н.В.: Но еще не знал тогда о работах Канторовича, еще не был знаком?

Ю.Г.: Были только имена: Немчинов, Канторович. И я решил вместе с Виктором поехать посмотреть, что это за лаборатория. Еще Сережа Лебедев был с нами.

Н.В.: Математик?

Ю.Г.: Тоже из «ящика», да. Скромный человек, сын академика Лебедева, а мы даже не знали.

Н.В.: Но он и сам, по-моему, известный математик, Сережа?

Ю.Г.: Но он здесь, в ЦЭМИ, да. И вот мы после работы приехали на Волхонку в ЦЭМИ, не в ЦЭМИ, а в лабораторию.

” Там молодые ребята сидят после работы, уже давно можно уходить, а они обсуждают что-то, у всех глаза горят! То, что надо! То, что надо! Применяют математику для того, чтобы можно было... «Все!» — я сказал. Для меня отпал вопрос, куда идти.

А места нет и нет. И тогда я подаю документы еще в аспирантуру... Да, теорией игр никто не занимался, куда я мог бы пойти. Да хоть бы куда! Решил в Автодорожный институт подавать, там профессор был Коровкин, Коровушкин, не помню. Он сказал: «Давай, иди ко мне, будешь играми заниматься».

Н.В.: Ну да.

Ю.Г.: Вот, слава богу, я успел.

Н.В.: Место появилось.

Ю.Г.: Да, появилось место. Волошиной звоню, говорит: «Да, есть место!»

Н.В.: Сразу два места, и для Волконского и для тебя?

Ю.Г.: И для Волконского. Но пошел я, Волконский что-то еще доделывал в «ящике».

Н.В.: И он позже пришел.

Ю.Г.: Он через пару месяцев после меня пришел. И когда мы с ним обсуждали эту проблему, я говорю: «Вить, но там же никого нет, ничего...» — «Будем первыми!» Был фильм такой «Будем первыми» или «Они были первыми».

Н.В.: Да-да-да.

Ю.Г.: Это целина или что-то там. И вот так попали мы.

Н.В.: А вас Немчинов лично, он с вами собеседование проводил?

Ю.Г.: Нет-нет, никто. **Пугачёв** был начальник. Был один математик, бывший военный, молодой, талантливый, блестящий, ушел из армии. Он туда поступил на работу летом, я осенью, а Витя зимой. То есть появились математики.

Н.В.: То есть группа математиков такая сформировалась.

Ю.Г.: Математическая группа. У Пугачёва была концепция своя, он был сложившийся...

Н.В.: Он уже был кандидатом наук.

Ю.Г.: Он кандидат технических наук, блестящий, известный... Такой, что мог двумя-тремя вопросами завалить любую диссертацию в Военной академии. Ему ясно было, что делать.

Н.В.: Он из армии пришел тоже.

Ю.Г.: Да, военный офицер был где-то... Мы пришли, поговорили с ним, он дал какие-то задания нам, чем заниматься. И пошла работа.

Н.В.: А Немчинова вы не знали еще?

Ю.Г.: Один раз говорят ребята: «Вот, придет сегодня Дед».

«Дедом» его звали, причем очень ревниво: если кто-то другой называл Немчинова «Дедом», это было оскорбительно.

Академик В. С. Немчинов. Источник фото: www.visualrian.ru

Н. В.: Ваш Дед.

Ю. Г.: Какое ты имеешь право, да! Увидел Немчинова: пришел такой старикашка, небольшого роста, тучноватый немножко. И все. А потом мы с ним уже сдружились.

Н. В.: А он вам задавал какие-то вопросы, нет?

Ю. Г.: Нет-нет совсем. Вначале ничего...

Н. В.: Никак просто.

Ю. Г.: Никак практически.

Н. В.: Я почему спрашиваю, потому что у меня, когда он принимал, собеседование было длительное, он со мной разговаривал.

Ю. Г.: Ну да. А может, я не помню. Вот то, что с Пугачёвым поговорили, — да.

Н. В.: Да.

Ю. Г.: Два раза в неделю надо было являться на работу на несколько часов. Я ходил в Ленинку, сидел в Ленинке. Тема у меня была «Агрегирование на межотраслевом балансе». И я в Ленинке сидел.

Н. В.: А какое впечатление лаборатория на тебя произвела? Что тебе показалось там самым важным?

Ю. Г.: Самым важным показалась увлеченность ребят работой. И математику они старались...

Н. В.: Причем всех, и математиков, и экономистов.

Ю. Г.: Да-да-да. Математиков там не было. Появился математик после меня и Волконского — [Медницкий](#). Я встретил его в метро, он со мной на одном курсе. Говорю: «Володя, давай, переходи!» И он пришел, вот так уже.

Н. В.: А вы с Медницким однокурсники?

Ю. Г.: Однокурсники и даже были накоротке.

Н. В.: А как отношения складывались между математиками и экономистами?

Ю. Г.: Полная гармония, по-моему. Поставлены были задачи, которые нужны были и тем и тем. Скажем, я занимался матрицами межотраслевого баланса...

Н. В.: Потому что был отдел межотраслевого баланса.

Ю. Г.: Не было такого отдела...

Н. В.: Не отдел, а направление.

Ю. Г.: Всего двенадцать человек! Было направление.

Н. В.: А кто его возглавлял тогда?

Ю. Г.: Пока никто не возглавлял. Через некоторое время группы сложились, через год-два. А сначала...

Н. В.: А тогда просто темы были, группа, энтузиасты...

Ю. Г.: Сначала просто персонально. Проводили исследования по межотраслевому балансу: в Карелии, в Мордовии, еще...

Н. В.: Вам Немчинов задал основные темы?

Ю. Г.: Немчинов, Немчинов.

Н. В.: А что, какие? Я помню очень хорошо, что межотраслевой баланс...

Ю. Г.: Главное было — межотраслевой баланс, чтобы внедрить. Это действительно то, что было тогда возможно.

Н. В.: То есть Немчинов на [Леонтьева](#) ссылался.

Ю. Г.: Леонтьев приходил, я видел его, он приходил туда.... Мы же там жили, работали...

Н. В.: Приезжал из Америки.

Ю. Г.: ...в каморке какой-то, да. И он приходил, Василий Леонтьев. Потом он стал нобелевским лауреатом. Это была главная тема — межотраслевой баланс.

Американский экономист В. В. Леонтьев. 1973. Источник фото: www.wikimedia.org

Н. В.: А Немчинов с ним лично был знаком.

Ю. Г.: По-видимому, да, был знаком. Но мы, группа математиков, стали заниматься еще теорией полезности потреблений.

Н. В.: То есть вы сами эту тему предложили, выдвинули?

Ю. Г.: Там была такая история. Немчинов организовал издание всяких работ, выходили там зарубежные работы. И работа русского математика, которая была опубликована на итальянском языке, это Слуцкий Евгений Евгеньевич...

Н. В.: Да-да-да.

Ю. Г.: Слуцкий, «Теория предельной полезности»...

Н. В.: Он организовал перевод этой работы.

Ю. Г.: Он организовал перевод...

Н. В.: А, это потрясающе интересно! Немчинов гениальный человек! Организовать перевод лучших зарубежных работ, то, чего не знали...

Ю. Г.: Да. Это он делал, а потом книжки Аллена, Самуэльсона тоже — это все Немчинов организовал...

Н. В.: Учебник Самуэльсона.

О сотрудниках лаборатории Василия Немчинова

Ю. Г.: Он привлек сюда [Вайнштейна](#), [Минца](#), вот этих людей, которые были в ссылке. Он их сюда притащил...

Н. В.: Хотя они, вроде бы, не были с математическими методами связаны?

Ю. Г.: Не были. Но у Минца была работа еще в 20-е годы, посвященная регрессионному анализу бюджета свободного времени безработного.

Н. В.: [Конюса](#), по-моему, он тогда привлек...

Ю. Г.: Конюс тоже, да-да. Но я могу сказать, что...

Н. В.: Причем большая разница, они старики же совсем были в то время...

Ю. Г.: Вот, все старики лично меня любили. Вайнштейн, Минц, не говоря о Немчинове. Конюс. У меня с ним...

Сотрудники ЦЭМИ АН СССР: Ю. Н. Гаврилец, Л. Е. Минц, Е. Г. Ясин. Москва, 1970-е гг. Источник фото: www.novshestvoxx1.narod.ru

Н. В.: [Лурье](#).

Ю. Г.: Лурье в Институте экономики был, я с ним как-то меньше...

Н. В.: Он не работал в лаборатории?

Ю. Г.: Нет-нет-нет. Он был в Институте экономики.

Н. В.: Он только приходил, да-да-да.

Ю. Г.: Он был в Институте экономики, на семинарах он бывал. С Новожиловым у меня потом были прекрасные отношения...

Н. В.: А были какие-то семинары?

Ю. Г.: Были, регулярно были семинары.

Н. В.: Немчиновские, лабораторные.

Ю. Г.: Были в Институте экономики и в немчиновской лаборатории, прямо в лаборатории были семинары.

Н. В.: И вы обсуждали проблемы всей лаборатории...

Ю. Г.: Мы обсуждали, да-да-да. Волконский, может, расскажет, как он... Он крупный математик вообще, хороший, и он разобрался с этой статьей Слуцкого и даже доказательство упростил, его доказательство уже на современный [лад]...

Н. В.: Волконский ведь ученик Колмогорова, по-моему, любимый.

Ю. Г.: Волконский — да-да, был мехматянин... Вот, короче, и пошло. У меня с Немчиновым были особые отношения. Он любил меня. Он любил, конечно, Дадаяна больше всех, с давних пор. Дадаян и Черняк — они раньше на два года, когда только создавалась лаборатория...

Н. В.: А Дадаян чем занимался?

Ю. Г.: Дадаян развивал схемы Маркса, он так их называл. Вот, у меня есть...

Н. В.: В политэкономии?

Ю. Г.: Но математической политэкономии.

Н. В.: Математической. А Дадаян по образованию был...

Ю. Г.: Экономист. Нет-нет, все экономисты.

Н. В.: Все экономисты остальные.

Ю. Г.: У меня сохранились немчиновские даже записки. Телефонов не было, я где-то жил. У него жуткий почерк. Вот, например, он пишет мне... С курьером присылает мне: «Юрий Николаевич...» А, это мнение о моей диссертации.

Н. В.: По имени-отчеству писал, да-да, обращался.

Ю. Г.: Да-да, он называл нас... (*Читает*) «В нашем с вами примере... — трудно даже разобрать, — ... возникает...» — и так далее. 24 ноября 61-го года. Вот другая записка...

Н. В.: Это когда ты написал кандидатскую диссертацию.

Ю. Г.: Нет, это просто мы с ним стали строить модель межотраслевого баланса, какие-то модели стали строить. Линейным программированием он никогда не занимался.

Н. В.: Ну да, он же экономист все-таки.

Ю. Г.: Да, построили модель какую-то, и вот он...

Н. В.: Общая работа уже была.

Ю. Г.: Да. Есть еще какие-то вещи у меня...

Н. В.: Он с вами с каждым лично работал или нет?

Ю. Г.: Нет, это со мной, со мной он точно работал вот так. Что сказать? Я про Немчинова могу сказать, что это за человек... Кстати, у нас с ним сложились неформальные даже отношения. Я помню, иду зимой из университета на Моховой или, наоборот, в университет, и пересекаю проспект Калинина, где сейчас Новый Арбат начинается, улицу Калинина. Зима, скользко. Я перехожу через дорогу — раньше не было подземного перехода. Смотрю — Дед идет. Старый идет. Опасно, он ничего же не видит. «Василий Сергеевич!» — «Да вот, мне надо, я решил...» Близко, на Волхонку. Я говорю: «Да как, это далеко!» Короче, я беру его за руку, подмышку и повел его туда. Оказывается, то ли машина не пришла, [то ли] он с кем-то поругался, у него настроение, и он один решил сходить.

Н. В.: Да-да, он же старый уже был человек.

Ю. Г.: Да, и в каком-то смысле я, может, его спас даже. Вот такое произошло. Бывали мы у него. Он звал меня, Дадаяна, Черняка, Лейбкинда на дачу. Приезжали к нему на дачу, там разговор вели. Дома у него были. Мария Борисовна, его жена, делала пельмени очень вкусные. И коронное блюдо там был чернослив с орехами, мы этого...

Н. В.: То есть такая вот обстановка была почти домашняя.

Ю. Г.: Да-да.

Н. В.: На твой взгляд, что создавало эту творческую атмосферу, что все горели, все работали? Что на это повлияло, какие факторы? Как ты это объясняешь?

Ю. Г.: Я думаю, в целом в стране была такая ситуация. Космос — одна часть, ядерная энергетика — вторая часть. И экономика, с которой надо что-то делать. Собралась молодежь, Немчинов ее вдохновил. Поэтому у всех глаза горели!

Н. В.: То есть Немчинов лично все-таки сумел вдохновить.

Ю. Г.: По-видимому, да...

Н. В.: Ну что, он вам свободу предоставлял?

Ю. Г.: Полная свобода, полная свобода! В командировку мы ездили, делали там и межотраслевой баланс... Кстати, я как раз делал статью. Кроме того, тракторный завод в Петрозаводске. Мы прошли по всем цехам, и мы с Витей сделали даже модель этого предприятия. И в поход там же ходили, в том же Петрозаводске. Ты ходила в поход однажды, ты, Косов, я и так далее...

Н. В.: Но не в Петрозаводске все-таки, а в Подмосковье.

Ю. Г.: Не в Петрозаводске, да. То есть общее было воодушевление тогда...

Н. В.: То есть это внешняя обстановка с обстановкой в стране и обстановка в лаборатории.

Ю. Г.: Да-да. Потом шла борьба с ортодоксальными марксистами, то есть дух борьбы еще!

Н. В.: Это вас объединяло тоже.

Ю. Г.: Это объединяло, конечно. Причем совсем, так сказать, были дикие люди, которые выступали против...

Н. В.: Но не в лаборатории, а внешние...

Ю. Г.: Нет-нет, не в лаборатории. А мы были одним целым, идеологическим, научно-методологическим.

Н. В.: А кто с вами боролся тогда?

Ю. Г.: У нас — Институт экономики, [Боярский](#).

Н. В.: Он был директором Института экономики?

Ю. Г.: Нет, не был. Директором не знаю, кто был, не помню, но он олицетворял... У него вышла книжка, где он критиковал [Канторовича](#).

Н. В.: Он же статистик вроде.

Ю. Г.: Канторовича мы защищали, что эти цены должны быть, что план нельзя составлять в отрыве от составления цен... Я могу, но это неинтересно, можно говорить о том, почему Госплан... Так что шла борьба. Но я про Немчинова еще хочу сказать. Он, во-первых, понимал нас, мальчишек. Мы к нему приходим в кабинет со своими проблемами. Он сразу говорит: «У вас, я вижу, какие-то проблемы». Сразу! А мы как раз спорили о чем-то в течение дня...

Н. В.: А вы приходили именно с научной проблемой, чтобы разрешил какие-то...

Ю. Г.: Ну да, пришли что-то там, да. Например, он был формальным руководителем аспирантуры у кого-то. А делал все Лейбкинд. Немчинов деньги, которые ему начисляли, отдавал Лейбкинду...

Н. В.: Что удивительно для наших времен.

Ю. Г.: Что удивительно, да. И знаю, что часто кучу берут себе аспирантов начальники, не занимаются этими аспирантами, а деньги-таки получают.

Н. В.: Да. А тогда наоборот было.

Ю. Г.: Да, тогда наоборот. Еще такой эпизод. Немчинову не нравилось, что Пугачёв, барин, ничего не делает и на работу не ходит, когда надо. В общем, как-то ведет себя. И он издал приказ: проверить, на рабочем месте или нет в обязательный день. Пугачёва нет, и меня нет. Немчинов сказал: «Все, у отсутствующих вычесть зарплату за один день, прогул». Передо мной он извинялся: «Юрий Николаевич, так получилось, что, барчуков я не могу...» Представляешь? Вот так...

Н. В.: Почему он решил, что это барчук? Что ему не нравилось?

Ю. Г.: Значит, не нравилось, да... Кстати, Пугачёв даже начал вести борьбу, но это уже потом, против Немчинова, чтобы институт ЦЭМИ подчинялся не отделению экономики, а отделению математики. Тут мы все за Немчинова были и не хотели переходить...

Н. В.: Ну да, делать его просто математическим. То есть Пугачёв как математик хотел перетащить одеяло на себя? Так вы понимаете?

Ю. Г.: Да, и...

Н. В.: Это уже получается какая-то конкуренция людей, даже не идей.

Ю. Г.: Я думаю, вот этот эпизод, о котором я сказал, наверное, отражает, что в то время Пугачёв уже вел себя слишком самостоятельно. Мог не явиться на приглашение Немчинова, что-то такое. Или говорил, что это другие пусть делают. Я думаю, потому что он его считал барином, на которого, так сказать, должны работать. Но вот, я знаю, что он передо мной [извинился]...

Н. В.: Да-да, просто мне интересно, что такое для Немчинова «барчук» и что его раздражало? Свободу же всем давал, все на работу мало ходили.

Ю. Г.: Ну вот так, а потом... Да, был заместитель у Немчинова, [Марк Голанский](#), ты знаешь его. Он как-то связан с экономической разведкой, очень хороший мужик, мягкий такой. Он мне однажды говорит: «Тебе надо поехать, [Федоренко](#), скорее всего, будет директором, поезжай!» Еще его никто...

Н. В.: Не назначал.

Ю. Г.: Да. А еще до этого, могу сказать, когда речь шла о создании института — это наша мечта была, мы мечтали, что станем институтом...

Н. В.: Чтобы был институт.

Ю. Г.: Да. Кто будет замдиректора? Федоренко не делал подлостей, единственный из всех возможных кандидатов, так сказал мне Немчинов: он не совершал подлостей.

Н. В.: Человек, который не совершал подлостей.

Ю. Г.: Да-да.

Н. В.: То есть Немчинов его нашел.

Ю. Г.: Немчинов, да.

Н. В.: Конечно, он организатор!

Ю. Г.: Он великий организатор, он в людях разбирался. Вот, а кого замом? И там был один человек, кандидат в замы, бывший военный.

Н. В.: Со стороны. Не из лаборатории.

Ю. Г.: Со стороны. Не из лаборатории. И Василий Сергеевич мне говорит: «Юрий Николаевич, вот вы работали в „ящике“. Можете вы узнать, что это за человек?» Я был его разведчиком в этом плане. Я пошел к своим, где два года назад работал, не два, больше, и мне говорят: «Да, мы его знаем». Короче, сказали, что этот человек такой, не очень. У него любимчики, он любит, так сказать, своих. Я все это Василию Сергеевичу передал. Замом стал Олейник.

Н. В.: А откуда Олейника нашли?

Ю. Г.: А Олейник в ВЦ* Академии наук занимался транспортными задачами...

* ВЦ – Вычислительный центр Академии наук СССР.

Н.В.: Тоже математик.

Ю.Г.: Математик, и беспартийный! Стал замдиректора.

Н.В.: А как Немчинов пробил беспартийного замдиректора?

Ю.Г.: Это уже сила его...

Н.В.: Сильная личность.

Дирекция ЦЭМИ АН СССР (слева направо): Ю. А. Олейник-Овод, Н. Я. Петраков, Н. П. Федоренко, С. С. Шаталин, А. А. Модин. Москва, 1970. Источник фото: www.novshestvoxx1.narod.ru

Научные темы и интересы

Н. В.: Я думаю, сейчас мы все-таки к научной работе перейдем...

Ю. Г.: Давай.

Н. В.: У меня просьба: так рассказывать, чтобы это было...

Ю. Г.: Понятно. Чтобы Насте было понятно.

Н. В.: Да. Чтобы было понятно не только специалистам. Потому что область-то такая, общечеловеческая.

Ю. Г.: Я занимался очень многими экономическими проблемами, моделями и межотраслевым балансом.

Н. В.: Первая тема, да.

Ю. Г.: Затем занимался внутризаводским планированием, там сложные математические задачи теории расписания, пара статей у меня была или больше. Потом я стал заниматься уже по-настоящему, когда понял по-настоящему Канторовича, весь его подход...

Н. В.: Тогда еще на одну секундочку перебью тебя, все-таки в науке кто на тебя повлиял? И какие-то книги или личности. Или какие-то лидеры семинарские.

Ю. Г.: Во-первых, я уже назвал, теория игр и книжки [Карлина](#) и других по теории игр.

Н. В.: По теории игр. Западные книжки, переводные.

Ю. Г.: Западные, не было у нас, да. И в «ящике» я на английском читал статьи Карлина...

Н. В.: А кто доставал тогда эти статьи?

Ю. Г.: «Ящик». Там же задачи типа дуэлей: летят самолеты с ракетами, в какой момент выпустить другую, если долго будешь думать, тебя собьют, а ты должен подавить. Это игровые задачи.

Н. В.: Но литературу доставали на Западе.

Ю. Г.: На Западе, да. Кстати, привезли книжку «Теория игр» Карлина. Очень хорошая толстая книжка.

Н. В.: Да, это первое. Из экономистов кто?

Ю. Г.: Затем русский Слуцкий.

Н. В.: Слуцкий.

Ю. Г.: Его книжка по построению функции полезности колоссальное влияние на меня оказала. Я увидел, что можно математически описывать предпочтения людей. Это, пожалуй, сильнейшее влияние, потому что вроде оценка, как люди относятся...

Н. В.: А Слуцкий где жил, в Америке?

Ю. Г.: Нет, он русский. Просто на итальянском языке. Нет-нет, это русский.

Н. В.: Он и жил здесь, в России? Просто издан был в Италии.

Ю. Г.: На итальянском, да. Затем у Карлина же «Теория равновесия», на английском сначала была, потом вышел в 66-м году уже, правда, перевод на русский язык. «Теория равновесия», где уже вся экономика представлена в виде большой игры, можно так сказать.

Н. В.: А кто тогда занимался этими переводами?

Ю. Г.: Переводами? Корбут в Питере...

Н. В.: Немчинов с Пирьевым организовал.

Ю. Г.: Нет, эта первая книжка «Математическая экономика» организована Немчиновым, а дальше уже... Ведь в Ленинграде же были сильные ребята по теории игр.

Н. В.: И они выбирали книги, которые нужно перевести.

Ю. Г.: Да, они выбирали. И пошло вот это направление. Теория равновесия. Но меня интересовала в теории равновесия так называемая проблема критерия оптимальности народного хозяйства или функция общественного благосостояния. Можно же по-разному планы составлять. Надо составить, чтобы он был лучшим, самым лучшим. В каком смысле лучшим? Чтобы максимально удовлетворялись потребности людей. Как это выразить? Для этого надо знать интересы всех социальных групп и как-то их уравновесить. Это стало моей главной целью, и в этом направлении я потом работал. Даже есть работа,

которая, мне кажется, очень важная. Это на уровне моделей все... Если есть представление о том, что такое этика соизмерения интересов разных социальных групп — это все можно делать. Я как считал, так и считаю, что это можно делать: математически выразить экономические интересы социальных групп. Дальше встает вопрос: как их между собой соизмерять? Это отдельная проблема, как их соизмерить. Дальше: как Госплан должен составить план развития, чтобы максимизировать эту функцию. Оказывается, по моей теории, с помощью системы налогов, трансфер и так далее можно заставить рыночное равновесие идти в сторону социальной справедливости. Так и работы некоторые называются: «Модель реализации социального равновесия, где реализована социальная справедливость...» То есть соизмерение интересов.

Н. В.: Разных социальных групп.

Ю. Г.: Разных социальных групп.

Н. В.: А как группы социальные ты выделял?

Ю. Г.: Внутри группы — там по-разному они могут выделяться. Например, самый простой способ — это разные районы, края, области в республике.

Н. В.: То есть в региональном развитии.

Ю. Г.: В региональном, да. Но это проблема, которая стоит до сих пор и которая не решается. Некому сейчас решать. Такая же проблема — я уже, так сказать, затрагиваю тему социальной справедливости, это для меня одно из самых важных направлений. Была работа — как раз, по-моему, ты уже работала или около этого: как оплачивать труд рабочих, чтобы дифференциация по зарплате соответствовала дифференциации по труду? Как платить? Коэффициент трудового участия, который был, — это глупость, потому что зависимости более сложные и это не постоянный коэффициент. Короче, если мы построим функцию полезности...

Н. В.: То есть, еще раз, это не постоянный коэффициент, а...

Ю. Г.: А зависящий и от того, как другие...

Н. В.: Твое трудовое участие зависит от участия других...

Ю. Г.: Вот мы с тобой проводили опрос шоферов или ткачих. Там можно найти их отношение к труду и зарплате. Зная это, мы можем затем правильно указывать, как оплачивать их труд.

Н. В.: То есть справедливо, так, чтобы они были удовлетворены.

Ю. Г.: Чтобы никто не завидовал, никто не был в лучшем положении, чем другой. Если у него больше зарплата, значит, каждый видит, что он больше и трудился. Вот так, если на пальцах объяснять. То есть на микроуровне это можно, и у меня работы на эту тему. Ты сама участвовала в построении функции полезности. Вот это одна тема.

Н. В.: На самом деле это долго обсуждалось, есть ли эта функция полезности. И тем более можно ли ее каким-то образом найти.

Ю. Г.: Правильно, Наташа... Ведь почему мы стали этим заниматься? Чтобы доказать, что есть эта функция, что ее можно найти, потому что была критика: ее нет, выдумали какую-то полезность. Австрийская школа предельной полезности была раскритикована Марксом. И всякую такую ерунду говорили. А мы показали фактически, что...

Н. В.: А ты Австрийскую школу тоже изучал, да?

Ю. Г.: Ну да, Австрийская школа, та самая, которую Маркс критиковал. Оказывается, есть! Если есть предпочтение человека, то сейчас наука позволяет восстановить в виде формулы это предпочтение. Возникает следующий вопрос: а будет ли устойчиво, потому что сейчас, особенно, извините, у женщин

могут меняться вкусы. Оказывается, и это можно исследовать. Дальнейшая работа в ЦЭМИ уже была направлена на то, чтобы выявить условия, обеспечивающие устойчивость предпочтений и мнений. Здесь я перешел уже к теме социологической, к проблеме установки в социологии, советский психолог грузинский Узнадзе разрабатывал. За рубежом на эту тему очень много работ. Установка — это психологическая готовность к каким-то действиям.

Н. В.: То есть это не просто предпочтения, а именно готовность...

Ю. Г.: Это может быть оценка, например, политического деятеля. Или это может быть та форма, в которой человек ведет себя: с одним здоровается за руку, с другим... Один курит, другой не курит...

Н. В.: То есть это его установки.

Ю. Г.: Это все конкретные установки, но мы более широко рассматриваем установки как некоторое субъективное отношение к чему-либо. Либо оценка партии, либо мнение и оценка кинофильма и вообще отношение, культурная позиция, так сказать, — это установка. Установки меняются от трех сил, от трех факторов. Значит, первый фактор — это... Самый простой пример: курить — не курить. Если меня воспитали, что курить нельзя, я не курю. В компанию попадаю, я могу иногда там выкурить [сигарету]. Но поскольку во мне сидит, что нехорошо вообще курить, если курю больше, я испытываю некий дискомфорт. Но компания вся курит. У меня есть второе — отношение к публике: сознательно или даже на бессознательном уровне на меня давит мнение других. Вот они все курят, я неловко [себя] чувствую, когда отличаюсь от них. Это второй дискомфорт. И, наконец, третий дискомфорт возникает, когда либо авторитетный человек, либо реклама говорит: «Вот, смотрите, какие хорошие сигареты, как красиво девушки курят!» Три силы вызывают дискомфорт. Их равновесие определяет стационарное состояние — установку. Оно может быть устойчивое, может быть неустойчивое. Математические модели позволяют как раз...

Н. В.: А почему оно неустойчивое? Если одна из этих сил больше давит?

Ю. Г.: Да-да, правильно, ты молодец, как всегда! Есть коэффициенты влияния, соотношение между этими коэффициентами и еще много тех или других. Их соотношение определяет, устойчиво или неустойчиво.

Н. В.: И если установка устойчива, тогда предпочтение можно найти.

Ю. Г.: Тогда, значит, медленно меняется, да. Это может [относиться] также к функциям полезности. Вот я со своей аспиранткой, ученицей, точнее, как раз выполнил...

Математическая социология

Н. В.: Функция полезности и функция предпочтения, как ты говоришь, это одно и то же.

Ю. Г.: Для меня это одно и то же. Значит, математическое описание предпочтения или установки. Я перешел сейчас к рассказу о цикле своих работ...

Н. В.: Своих основных работ.

Ю. Г.: Да, по динамике установки или отношений. Когда-то перевели книжку «Математические методы в современной буржуазной социологии», почему-то под грифом «Для научных библиотек» — всего боялись (*усмехается*). Это отдельная история, как я проталкивал математическую социологию...

Н. В.: Да-да, ты же считаешься одним из основателей математической социологии!

Ю. Г.: Да, так оно и есть. Я первый в Советском Союзе начал читать курс лекций по математической социологии.

Н. В.: И лаборатория у тебя называлась математической социологии.

Ю. Г.: Лаборатория и сейчас называется, да. Так вот, перевели книжку. Плохой перевод, но прекрасная книжка. [Осипов](#) ее составил, Геннадий Осипов, а переводил [Эдик Андреев](#), он математик, был астроном когда-то, оказывается, я даже не знал. И там была статья Рашевского. Кто такой Рашевский, [Николай Рашевский](#)? Я выяснил в конце концов не так давно. Оказывается, это русский человек, который женился на княжне... Забыл ее имя. И в 22-м году с Белой армией он эмигрировал из Крыма. Приехали в Турцию. Там он побыл, потом в Прагу переехали...

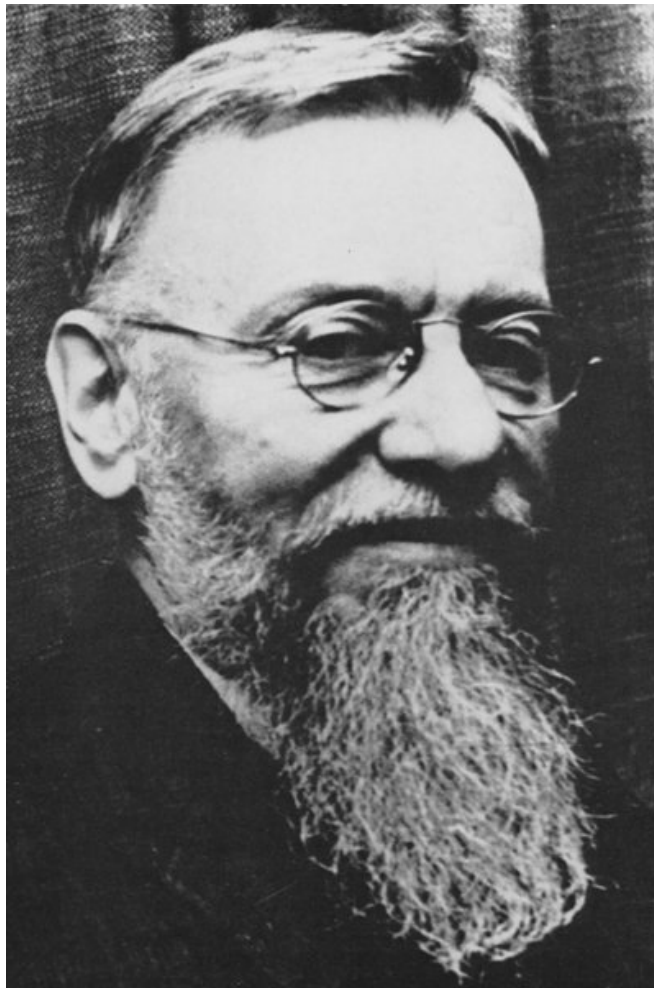
Н. В.: Это классический путь эмигранта.

Ю. Г.: Там он преподавал, потом в Америку перебрался. Это великий математический биолог. Кстати, мой сын, Сережка, математической биологией занимается, который в Америке живет. Николай Рашевский создал математическую биологию в 30-е годы. И он, между прочим, написал работу о раздражительном поведении человека. Вот эту работу я в дальнейшем...

Н. В.: В этом сборнике она была.

Ю. Г.: В сборнике была. И во всех моих работах я опираюсь на первые плечи гиганта...

Н. В.: На идеологию Рашевского.

Н. П. Рашевский. Источник фото: www.ahlouie.com

Ю. Г.: Да, на этот подход. Скажу, что в годы маккартизма нашего Николая Рашевского там прижимали, оказывается. У меня есть фотография, я из интернета потом вытащил, такой бородатый старик хороший.

Это настоящий ученый, Николай Рашевский, русский человек. И все эти работы дальше у меня по динамике установки, динамике функции полезности, формированию этого — это целое большое направление. Я уже несколько прыгаю, получается, но если говорить о социологии и о нашем направлении, ведь в социологии борьба была еще более сильная против математики, чем в экономике. Я по молодости лет оказался тоже среди тех социологов, классические сейчас советские социологи, это Осипов, Левада, Шубкин, Бородкин — вся эта группа. Они постарше меня, я там был один с математическим образованием. Более того, я был в президиуме Советской социологической ассоциации... Более того, я был самым молодым, единственным беспартийным из восьмидесяти трех советских делегатов на Конгрессе по социологии в Эвиане во Франции.

Н. В.: Вы представляли математическую социологию советскую.

Ю. Г.: А ее тогда еще не было, она только создавалась, и я, думаю, попал туда только потому, что это был 66-й год, когда был вояж с де Голлем. Де Голль приезжал сюда, в Новосибирске был. И вот тогда конгресс. И раз — я прошел, беспартийный. Восемьдесят три человека или восемьдесят четыре. Что я говорил? Да, насчет того, чем это закончилось. В 66-м году была создана моя лаборатория, во время этого потепления, оттепели в социологии. Румянцев стал, может, даже вице-президентом Академии наук, академик Румянцев Алексей Матвеевич, был создан Институт социологии. Он назывался «конкретных социологических* исследований», потому что...

* Ю. Н. Гаврилец говорит «социологических исследований». Институт социологии в советские годы назывался Институтом конкретных социальных исследований, но был создан на основе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР.

Н. В.: Тоже в 60-е годы, да?

Ю. Г.: В 66-м, да. Потому что Ленин не употреблял, и Маркс тем более, слово «социология», а был термин «конкретных социологических исследований». То есть цирк такой был. И вот на том конгрессе меня чуть не похитили! То есть мне предложили съездить заправиться в Швейцарию: Эвиан на границе, но я благоразумно отказался, потому что если бы я поехал, без паспорта...

Н. В.: Зачем тебя нужно было похищать?

Ю. Г.: Видишь ли, люди оставались за границей в то время, молодые ученые, вдруг раз — эмигрировали. Докажи, что ты не верблюд, а вот съездил за границу... У нас был Яковлев такой...

Н. В.: Начальник иностранного отдела.

Ю. Г.: Нет, он не иностранный, по-моему, отдел. Ну, не знаю... Вернулся и в автомобиле сам себя задушил газом. Вот так вот, такой расцвет социологии...

Н. В.: Я даже не поняла, так что, если бы похитили, то скомпрометировать, что ли, хотели?

Ю. Г.: Наташа, в то время была холодная война. Каждый побег за границу, каждый побег использовался какими-то силами...

Н. В.: Как победа в холодной войне.

Ю. Г.: Очередной выигрыш, да...

Н. В.: А ты думаешь, тебя бы похитили и не отпустили?

Ю. Г.: Конечно! Ко мне немец один подходит в Эвиане, говорит: «Вы Гаврилец? Это вы ведете семинар по математике в социологии в МГУ?» Это был полуподпольный семинар, откуда этот немец знал?

Н. В.: А ты в университете вел семинар по математической социологии.

Ю. Г.: Да, в старом здании.

Н. В.: Это в какие годы?

Ю. Г.: Это вот как я стал преподавать, в 64-м или 65-м году.

Н. В.: И здесь же в ЦЭМИ тоже вел семинар?

Ю. Г.: Но это уже потом. Тогда не было ни ЦЭМИ, ничего, в 65-м. Я с 64-го стал преподавать матсоциологию. Я преподавал на третьем курсе.

Н. В.: В университете преподавал.

Ю. Г.: Вот слушай, что там. В МГУ на экономическом факультете вдруг появляется спецкурс «Математическая социология», третий курс. Студенты с горящими глазами, потому что социология тогда только-только...

Н. В.: Только-только, еще не было факультета.

Ю. Г.: Третий курс. И вдруг четвертый курс бежит в деканат и говорит: «Мы тоже хотим слушать этот курс!» Представляешь?! Им разрешили. Вот такое было отношение в то время к социологии... Сейчас я спецкурс объявлял, сначала было двадцать человек, сейчас сто шестьдесят, но я ушел из университета, я не преподаю сейчас там.

Н. В.: То есть математическая социология интересна молодежи.

Ю. Г.: Конечно, но сейчас... Это отдельный вопрос, что сейчас происходит. Я закончу с тем, что там было. В 67-м году мы провели конференцию по математическим методам в социологии, я с Осиповым организовал в Сухуми.

Н. В.: Осипов тогда был уже директором Института социологии, да?

Ю. Г.: Нет-нет, уже Румянцев появился, а Осипов был замдиректора. Федоренко был председатель оргкомитета, но он не поехал, он остерегался, я так думаю. Потому что КГБ ожидало, что там какая-то социология. То есть большой процент был...

Н. В.: То есть все, что связано с человеком, любая наука интересовала КГБ. Я правильно понимаю?

Ю. Г.: Было, да, было запрещено самопознание общества — вот мой термин. Было запрещено.

” Был большой скандал, когда одно из социологических исследований было посвящено выявлению отношения людей к Ленину. Это запрещено, разогнали и прочее.

Н. В.: Это в каком году такое исследование?

Ю. Г.: В 67-м — 68-м.

Н. В.: Тоже во времена оттепели.

Ю. Г.: Оттепель уже, наверное, кончалась к этому времени. Когда социология начала бурно развиваться, до 70-го года шли эти процессы, а в 70-м их прикрыли и расформировали Президиум, где я был, Левада, все. Новая ассоциация была создана. И [Глезерман](#), выступая на общем собрании социологов, заявил: «Большой ошибкой в социологии было то, что она попыталась выйти из лона философии. Это философская наука. А математические методы в социологии — это троянский конь буржуазной идеологии». Это зафиксировано у меня где-то, я не выкинул журнал «Коммунист», где [его] статья.

Самые вредные книжки были — это лекции Левады, изданные на факультете журналистики, и сборник «Математические модели в социологии», который я сделал.

Н.В.: Да-да, знаменитый сборник был.

Ю.Г.: Знаменитый сборник. Они названы как самые вредные антимарксистские книжки. Это был 70-й год.

Н.В.: Тогда все-таки поподробнее про свою работу расскажи, про основные достижения, может быть.

Ю.Г.: Подожди... Значит, во-первых, вся эта теория...

Н.В.: Просто сама математическая социология — первое, то, что ты ее стал внедрять.

Ю.Г.: Я считаю, что да. Могу сказать, что теория измерения, функция полезности, как ее строить, как сделать, это уже специальный термин — не порядковую полезность, а как найти интервальную полезность... То есть техника построения функции полезности, раз. Применение...

Н.В.: А в чем отличие порядковой от интервальной?

Ю.Г.: Порядковая полезность — мы можем ее использовать только для, скажем, прогнозирования и для моделирования поведения в статических условиях и не можем сравнивать две группы одновременно. А если динамическая...

Н.В.: То есть порядковая идет от слова, что вы только порядок предпочтения устанавливаете.

Ю.Г.: Да. Например, сумму полезности максимизировать нельзя с коэффициентами. А если интервальная полезность, тогда сумму полезности можно максимизировать.

Н.В.: А какой-нибудь пример можешь привести, чтобы было понятно.

Ю.Г.: Порядковая полезность устанавливает только, лучше или хуже, а насколько — нет.

Н.В.: Поэтому нельзя.

Ю.Г.: Поэтому нельзя. Интервальная шкала — это шкала температур. Если ты скажешь, что порядок можно указать, а разница — 10 градусов по шкале Цельсия, это совсем не то, что 10 градусов по шкале Реомюра, например. А интервальная полезность — там можно говорить, что если разница такая, то и там будет такая же. То есть это техника, наверное не стоит [вдаваться]...

Н.В.: Сложно.

Ю.Г.: Да, просто времени больше потребуется. Затем, по поводу экономики и социологии, как справедливость, так сказать, получать. Дальше, по теории установок, я уже рассказал...

Н.В.: Да-да-да.

Ю.Г.: Это целая куча работ, которые позволяют моделировать... Там какие тонкости? Например, стохастика, то есть предпочтения, так же могут меняться, установки могут меняться не детерминировано, когда всякие факторы [задействованы]... Как в условиях изменения вероятности...

Н.В.: Да-да.

Ю.Г.: То есть вероятностная модель, вот это направление.

Н.В.: Потому что предпочтения — под влиянием разных факторов, с определенной вероятностью факторы меняются, и тогда меняются и предпочтения.

Ю.Г.: Да, и внешние условия...

Н.В.: И тогда функция меняется.

Ю.Г.: Да, и тогда могут меняться функции. Дальше — направление, связанное, так сказать, с кибернетикой. Я считаю, что здесь мало сейчас занимаются. Когда-то кибернетика была очень модная...

Н.В.: Да-да, все увлекались Винером...

Закон необходимого разнообразия

Ю. Г.: Все увлекались, а потом увидели, что сразу-то и не получишь системный анализ. Сейчас у нас в институте только Клейнер занимается, ну и я. Здесь есть очень важный момент, о котором я сейчас скажу. Что такое закон в общественной жизни? Не тот, который издается, а вот закон есть — и все, как в физике закон Ньютона, никуда от него не деться...

Н. В.: Ты считаешь, что в общественной жизни тоже есть законы?

Ю. Г.: Да, вот один...

Н. В.: У тебя такое убеждение, да?

Ю. Г.: Да, только один закон я знаю. Этот закон называется законом необходимого разнообразия. Закон необходимого разнообразия. Этот термин ввел [Эшби](#), кибернетик, еще сто лет назад, не сто — в 50-е или 60-е годы. Смысл такой: если мы рассматриваем социальную систему с неким управлением — на уровне государства, предприятия, человека как такового, мы можем сказать, что есть некая часть этой системы, которая управляет, управляющая, и есть то, чем управляешь.

 Закон звучит так: сложность управляющей системы должна быть выше некоего порога, зависящего от сложности управляемой системы.

Н.В.: Управляемой системы.

Ю.Г.: Это железно. Только все дело в том, как измерять сложность.

Н.В.: И вот твоя работа как раз в измерении сложности.

Ю.Г.: В описании этого развития и так далее.

Н.В.: То есть ты изучал эти системы, их сложности, да?

Ю.Г.: Да, я показываю, объясняю, что происходит. Что такое Китай в эпоху «культурной революции» Мао Цзэдуна и так далее. Две тысячи лет он не развивался, вообще не было изменений, он пребывал в одном и том же состоянии. Почему? От Конфуция, от Цинь Шихуанди, императора, шла такая точка зрения на историю страны: все хорошее в прошлом, нового ничего не должно [быть]... Были законы, запрещающие нововведения в любой форме. Китайцы придумали магнитную стрелку, порох. Они не использовали это по назначению. Все уже было придумано. Во время Мао Цзэдуна все китайцы ходили в робах синих.

Н.В.: Они это не использовали, потому что именно были...

Ю.Г.: Их не использовали раньше — и не надо!

Н.В.: Поэтому не надо использовать.

Ю.Г.: Почему такой закон был? А потому, что управлять огромными территориями невозможно, слишком много информации надо переработать. Во времена Мао Цзэдуна эти красные книжечки, портреты в каждом туалете, четко сформулированные правила поведения для всех, иначе нельзя управлять...

Н.В.: Управлять, да.

Ю.Г.: В Советском Союзе то же самое. У Козьмы Пруткова был такой проект о введении единомыслия в России: проще управлять, когда все одинаково мыслят.

Н.В.: То есть это именно вытекает из этого закона...

Ю.Г.: Просто иначе система не будет...

Н.В.: ... что слишком сложная система и ею нельзя управлять.

Ю.Г.: А как управлять? Надо либо увеличить собственную сложность по переработке информации...

Н.В.: Управленческую.

Ю.Г.: ...либо упростить. В Советском Союзе пошли по такому пути, упрощали: единая идеология, единое мнение. А что такое «демократия» в хорошем смысле? Это подключение к управлению других людей, увеличение сложности системы управления. Это закон, который везде...

Н.В.: То есть больше разнообразия.

Принцип трех базовых потенциалов

Ю.Г.: Разнообразие и сложность — для меня синонимы.

Н.В.: В этом смысле.

Ю.Г.: Да. И очень тяжело это измерять, но можно. Я математически записал этот закон. Это важнейшая часть для любой науки, которая изучает процессы управления, особенно в обществе. Надо смотреть, понимаешь? Если говорить о кибернетике уже применительно к обществу, последнюю мою схему я называю так: принцип, или теория, если угодно, трех базовых потенциалов. Ты в статье видела три важнейших потенциала для любой социальной системы. Один потенциал обеспечивает жизнь непосредственно — экономика, технологии. Второй потенциал — интеллектуальный, обеспечивает возможность переработки информации, чтобы выполнялся этот закон. И третий — этический, социально-этический потенциал, который связан с отношением к другим людям: это понятие о справедливости, о добре, это с религией связано и так далее. И между этими тремя потенциалами, их реализацией должно быть гармоническое соответствие. Если преобладает один, мы можем получить, скажем, Средневековье, когда подавлялось идеологией все. Если Россию взять, тут все подавляет все: экономика недоразвита, интеллект губят, идеологически и этически общество совершенно невыносимое.

Н.В.: А как эти три потенциала, эта твоя идея, как она соотносится с Эшби и с системой сложности?

Ю.Г.: Во-первых, в любой социальной системе необходимо выделять подсистемы, которые взаимосвязаны...

Н.В.: То есть это и в управляемой системе, и в управляющей.

Ю.Г.: Да-да. Теперь берем, что такое управление? Управление — это переработка информации с тем, чтобы послать сигналы куда-то. Это прежде всего интеллектуальная часть. Но какую задачу решает эта система управления, интеллект, зависит от этического потенциала: на кого, на цели каких социальных групп, на какую духовность направлено это. А уровень физического потенциала — он просто обеспечивает жизнь. Это общий взгляд, общая схема. Сейчас что характерно для нашего общества — полное рассогласование этих потенциалов.

Н.В.: Этих трех.

Ю.Г.: Абсолютно.

Н.В.: А как ты считаешь, в Америке они согласованы?

Ю.Г.: В Америке сейчас, мое мнение, что там согласовано в большей степени, потому что экономика там...

Н.В.: Сильная.

Ю.Г.: Да, сильная экономика, интеллект сильный. Но что касается этического потенциала, там, по-моему, идет большая разболтка сейчас. Я не сказал бы, что там идеально...

Н.В.: Это мешает устойчивости системы.

Ю.Г.: Я думаю, да, именно в этой части. Здесь же как? Свобода! Под свободой подразумевается свобода индивида, то есть культ либерализма.

Я считаю, что Америка делает ошибку в том, что индивидуализм, свобода сводится к свободе стремления к гедонизму.

А гедонизм — это значит, делай удовольствие, каждый как хочет, так и делает удовольствие. Хотя там вроде есть религии, там даже на Библии президент клянется. Но, я думаю, это все только форма...

Н. В.: Да, там большое добровольческое движение.

Ю. Г.: Там очень много подсистем. И в целом они держатся, но за счет чего? Мне не хотелось бы, я могу подробнее, но не стоит, потому что... Для меня, во-первых, Америка, так сказать, «хозяин мира»...

Н. В.: Ну да, то есть вернемся к нашей стране.

Ю. Г.: Да. Но главное зло для цивилизации вообще — это гедонизм. Что еще я хочу сказать: много лет назад, во второй половине 60-х, была дискуссия между [Станиславом Лемом](#), фантаст известный, и [Шкловским](#). Иосиф Шкловский — это известный астроном наш, астрофизик. Была дискуссия о том, выживет ли цивилизация земная, от чего она может погибнуть. Об этом говорится, и сейчас это обсуждается: комета врежется, скоро будет пролетать, ядерная война, наводнение. И там называлась одна из возможных причин — перепроизводство информации. Перепроизводство информации.

Н. В.: Это кто ее называл, Лем или Шкловский?

Ю. Г.: Как-то они вместе. Вот они обсуждали. Что такое перепроизводство информации? Это усложнение всей системы, такое усложнение, со сложностью которой — системы — не справится то, что управляет ею фактически. Тысячу лет назад человека что окружало? Температура, холодно-горячо, дождь, снег. А сейчас это не проблема. Проблема — информационное поле, в котором мы все находимся. Давит на психику, на подсознательном уровне оказывает колоссальное влияние. И проследить, чем это закончится... Так называемая свобода как раз и позволяет оказывать это давление средствам массовой информации. Я считаю, что безусловно должна быть, даже могу слово употребить — цензура управления. Я не согласен только в одном месте, может, в двух с Пушкиным, который сказал: «Мне наплевать, свободно ли печатать дурачит олуха или чуткая цензура смеряет... что-то там, пакости балагура»*. Нельзя быть равнодушным, потому что это все формирует, это известно, средства массовой информации на подсознательном уровне. Почему-то считается, что нехорошо, когда ты наступишь на ногу человеку и не извинишься или по морде дашь, а это физическое воздействие прежде всего. А когда психическое, когда на сознание воздействуют с помощью средств массовой [информации]... — это вмешательство в самое святое в человеке, в его сознание. Как тут можно быть равнодушным, понимаешь?! Поэтому человек формируется именно сейчас, молодежь наша то есть... Это целая куча проблем, Наташ.

* «...И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура...»
Стихотворение А. С. Пушкина «Из Пиндемонти»

Н. В.: Я смотрю, это тоже часть твоей научной работы. Все то, что ты сейчас говоришь, потом выливается в конкретные научные работы.

Ю. Г.: Да, конечно, да. Во-первых, мы проверяем, как влияет... Например, модель динамики установки, как меняется мнение от того, другого, третьего...

Н. В.: От действия, например, средств массовой информации.

Ю. Г.: Да, от действия средств массовой информации, это прямо.

Н. В.: А какой-нибудь пример у вас есть конкретного исследования или это пока на модельном уровне?

Ю. Г.: Есть конкретные исследования. Вот типичный пример, опубликован, кстати. Журнал тут лежит у меня. В этом журнале, в 15-м номере. Мы, ЦЭМИ и Институт социологии...

Н. В.: Да, Институт социологии.

Ю. Г.: Я в двух институтах провел: в МИРЭА и в Выхино, студенты второго и третьего курса. Значит, такая работа, называется «Моделирование динамики...» Или просто: «Моделирование отношения студентов к коммерческой рекламе на телевидении». Совсем конкретная вещь. Вообще рекламу я ненавижу, я даже перестал заниматься непосредственно установками, потому что вижу, что наши модели можно использовать для управления...

Н. В.: Ну да, чтобы ваши работы не использовались во вред, потому что любое можно использовать во благо, можно во вред.

Ю. Г.: Да. Я на какой-то конференции прямо сказал, что я перестаю эти работы делать, потому что прямо передо мной выступал кто-то, хвалил рекламу.

Н. В.: Ты прямо, как атомную бомбу, да.

Ю. Г.: Так оно и есть!

Н. В.: Что, если вы научитесь измерять, как можно влиять на людей, как влияет на их установки...

Ю. Г.: Тот же 25-й кадр в телевидении...

Н. В.: Ну да, то можно их использовать.

Ю. Г.: Был же. Знаете, что такое 25-й кадр? Особенно когда показывали в 90-е годы эти сериалы мексиканские. Потом запретили. Я могу технику объяснить, что это такое.

Н. В.: Лучше расскажи про свой конкретный пример.

Ю. Г.: Итак, мы хотели выяснить, как студенты относятся к коммерческой рекламе на телевидении и как это меняется, от чего это зависит. Была разработана специальная анкета — ты знаешь, это не просто разработать анкеты, чтобы измерить отношение.

Н. В.: Да-да-да. Это и есть работа социолога.

Ю. Г.: Да, измерить отношение студента к рекламе. Специальные вопросы, сколько баллов, согласен — не согласен. Например, рекламируются прокладки, макароны, еще что-то. И в баллах, это целая техника. И мы получили шкалу отношений студентов. Для каждого студента в группе было установлено ближайшее его окружение: с кем он садится, с кем обсуждает. То есть микроструктура...

Н. В.: Референтная группа, те, кто на него влияет.

Ю. Г.: Да, референтная группа. Это мы произвели, замерили. Через неделю я говорю: «Ребята, я вам возвращаю ваше мнение, мнение вашего окружения. А теперь я вам сам скажу свое мнение, я ваш преподаватель. Я считаю, что здесь должен быть такой ответ, а здесь такой». То есть три силы, и так каждый получил: свое мнение, мнение друзей и мнение внешнего стандарта.

Н. В.: Не просто группы, а референтной группы.

Ю. Г.: Да. И мое мнение как внешнее, как рекламы, что ли.

Н. В.: Прямо как с курением, то же самое.

Ю. Г.: Дальше говорю: «Вы, если хотите, можете откорректировать свое мнение. Вы видите теперь, как преподаватель считает, как ваши друзья. И если вы теперь хотите откорректировать — запишите». И они записали. Я получил изменения в результате того, что стало известно мнение других, построил линейную регрессионную модель, нашел коэффициенты. А раз модель есть, я теперь могу прогнозировать...

Н. В.: Как будет меняться...

Ю. Г.: Как будет меняться, да, если будет сохраняться это...

Н. В.: То же самое при выборах. Зачем печатают социологические опросы? Если люди слышат, видят, как другие за кого хотят голосовать, они будут менять свое мнение. Ты можешь это тоже каким-то образом прогнозировать, определять.

Ю. Г.: Конечно. В социологии установлено, давно это уже известно, что от мнения других... Известный пример подверженности мнению других был: «Киевнаучфильм», лет двадцать назад показывали. Договорились психолог со студентами: вот эти портреты висят, мужчины, женщины, давайте вот про этого мужика будем говорить, что это женщина. Ну и заходит студент, который не знал про заговор... Все по очереди подходят к портретам, психолог говорит: «Кто здесь изображен?» — «Мужчина». — «А здесь?» — «Женщина». — «Здесь?» Про этот портрет, где мужик, все говорили: «Женщина, женщина». И вот незнающий подходит к этому портрету, и у него спрашивают: «А здесь кто?» И он говорит: «Женщина». Парень двадцатилетний...

Н. В.: Ну да, боится сказать против того, когда все...

Ю. Г.: Да. «Как женщина, тут усы!» — «А они подрисованы». Представляешь?! Потом, когда...

Н. В.: То есть он еще обосновывает это свое [мнение], почему он считает, что это женщина.

Ю. Г.: Да, обосновывает! Потом, когда спрашивали: «Как же ты так?» — «Я не мог сказать, что это мужчина». Но это если на подсознательном [уровне]... Мы так устроены, мы обучаемся так...

Н. В.: То есть социология связана сильно с психологией.

Ю. Г.: Конечно! Социальная психология.

О вере в бога и неodarвинизме

Н. В.: А вот скажи, мне интересно из твоего рассказа: ты и психологией занимался и математикой, и философией. И окружение твое этим занимается. Это важно для научного исследования? Насколько важен стык этих разных вещей?

Ю. Г.: Я думаю, от типа человека-исследователя [зависит]. Некоторые так: упрется в свое и очень глубоко, так сказать, идет. А я занимаюсь сложными системами, меня изначально интересует прежде всего

человек: есть ли законы, управляющие его поведением, что получается с обществом, когда человек и все. Что такое хорошо, что такое плохо меня интересует, справедливо что. И, конечно, вопросы совести, религии. Если я в школьные годы был материалистом чистым, сейчас считаю, что есть бог... Я даже крестился в 91-м году, когда Россия разваливалась, я решил, что с народом... В церковь я не хожу, может иногда, но то, что есть высшее начало... Сейчас уже известно, что был Большой взрыв, когда родилась [Земля]. А кто законы придумал? Откуда они взялись? Я считаю, что по-настоящему мыслящий человек не может отмахиваться: «Это природа так устроена, и все!» Это моя позиция...

Н. В.: Я смотрю, очень многие математики приходят к мысли о боге, особенно те, кто занимается проблемами Вселенной, такими вещами.

Ю. Г.: Конечно. Во всяком случае, ясно, что мы — не венец творения, что есть Высшее [начало] по отношению к нам. Кроме того...

Н. В.: Что кто-то задает нам задания...

Ю. Г.: Я даже думаю, что эта теория происхождения, неодарвинизм... Я в статье как раз пишу, высказываю сомнения, что достичь такой сложности, пусть даже за миллиард лет, невозможно. Но это на уровне веры тоже, хотя мой сын Сережка, известный профессор в Америке, он неодарвинист. Вот так же в этой книжке Маркова, очень интересная книжка, на которую я в статье ссылаюсь. Но я также ссылаюсь в этой статье на [Роджера Пенроуза](#). Это астроном, астрофизик, математик и так далее. Книжка вот такая толстая, интересная. Он показывает, что наука в принципе сейчас даже близко не подошла к тому, чтобы понимать, что такое сознание человека.

Н. В.: Что такое человек вообще.

Ю. Г.: Именно сознание. И здесь так: что такое человек? Животное — у него нет «я», есть тело только. И человек, который плывет по течению, по течению жизни — он отождествляет свое «я» со своим телом, с уровнем жизни. Другой уровень — человек осознает, отождествляет себя со своим мозгом, интеллектом. Это тоже чушь собачья, потому что если залезть в глубины своего «я», посмотреть, ты увидишь, что ты-то своим мозгом управляешь. Он у тебя может хуже работать. Ты так же видишь! Ты видишь, что рука отказала, ты видишь, что память отказала, но ты, твое «я» остается. И вот тут начинается... Поэтому проблема Высшего существа — не научная проблема, но наука упирается где-то в свое бессилие. Но это мы к философии [приблизилась], это отдельная тема. У тебя — наука...

Н. В.: Да-да, но я так понимаю, что твоя научная деятельность очень сильно связана с твоими философскими интересами, да?

Ю. Г.: Конечно, глубже понять какие-то проблемы. Сейчас мы занимаемся чем? Проблемой справедливого общества. К сожалению, сейчас это никому не нужно. Надо оплачивать — сейчас все очень дорого стоит, — провести опрос. В 97-м году мы провели опрос. Как? Я получил грант... Интересно было посмотреть, как наше общество российское относится к реформам банды Ельцина. И договорился с известным социологом Андриенко — ты, наверное, знаешь его, он директор Центра. Вот, провели опрос. Мы получили взгляд нашего общества на то, что делается. Это был апрель 97-го года. Что могу сказать? Да, и там математика применялась.

Н. В.: То есть обрабатывали результаты.

Опрос 1997 года о либеральных ценностях

Ю. Г.: Да, там и модели какие-то простые. Как относятся к либеральным ценностям. На 97-й год — сейчас, конечно, немножко сдвинулось — такая картина интересная нашими методами была высвечена: общество больше склонно приветствовать социальную справедливость, нежели экономическую эффективность. Раз. Общество в основном положительно относится к смешанной экономике, к капитализму и социализму меньше, но к социализму все равно чуть больше. Но в основном —

смешанная экономика. Дальше: молодежь, более образованная, они больше воспринимают западные либеральные ценности. Сейчас мы говорим «либерастическая ценность», знаешь, этот термин даже Хазин по телевизору [употребил], очень умный человек, кстати. Дальше: общество в подавляющем большинстве отрицательно относится к либеральным ценностям — проституция, наркотики, оружие. Неприемлемо это...

Н. В.: Все-таки никто не называет это ценностями!

Ю. Г.: Почему? Это есть ценности. У меня есть данные не наши... Хотя там тоже есть ценности такие, как семья, любовь...

Н. В.: А как в вашем исследовании молодежь различалась по возрасту?

Ю. Г.: Вот, слушай, молодежь. Старшее поколение, конечно, и привержено...

Н. В.: Более консервативно.

Ю. Г.: Да, более консервативно. Но молодежь...

Н. В.: А по образованию? Значит, молодежь...

Ю. Г.: И образование также, да. Городское население, более образованное, так сказать, более... Все равно в целом-то, я говорю, отрицательное отношение. Но среди молодых больше таких... Вот, я тебе скажу, что...

Н. В.: Больше либерально настроенных.

Ю. Г.: Да, прозападно-либерально. А не наше обследование — было такое обследование «Томская инициатива», может быть, ты даже видела такой термин, «Томская инициатива». Они какие-то области России [взяли]... Там тридцать или сорок ценностей. Я ужаснулся, когда прочитал: там отношение к другим, Родина, прочее. Я смотрел по возрасту: молодежь — удовольствие, Родина где-то вообще на последнем [месте]. То есть страшная картина.

Н. В.: То есть меняются установки и сознание.

Ю. Г.: Не установки — они уже есть у молодежи...

Н. В.: Новые установки.

Ю. Г.: По сравнению со старшим поколением... Больше стремятся к удовольствию просто, гораздо меньше для них значит Родина и так далее, наука и все прочее. Произошло одновременно, после деградации 90-х годов, которые окаянные для меня, не только падение образования — чудовищные вещи, но и нравственное, духовное [падение]. То есть человек западными этими стандартами превращается в скотину, в животное. Это мое мнение, субъективное, конечно.

Н. В.: А куда это ваше исследование потом пошло, 97-го года? Кому вы его...

Ю. Г.: Опубликовано в журнале...

Н. В.: В научном журнале — и все, и никуда оно «вверх» не пошло.

Ю. Г.: Мы с тобой опрашивали когда Подмосковье...

Н. В.: Да-да.

Ю. Г.: Там мы хоть направили куда-то, в райком или какой-то...

Н. В.: Да, когда мы опрашивали, я помню, комбинат, мы делали доклад перед общим собранием комбината...

Ю. Г.: Нет, потом ты ушла, а мы еще опрашивали Чеховский район, Волоколамский...

Н. В.: И я, я Волоколамский район тоже опрашивала...

Ю. Г.: Ну так вот, в обкомы мы тоже направили в местные, в Мособл что-то.

Н. В.: Да-да. То есть все-таки раньше, я помню, начальством были востребованы наши результаты...

Ю. Г.: Конечно.

Н. В.: И на автокомбинате, во-первых, мы докладывали их с тобой на дирекции, а во-вторых — на общем собрании коллектива.

Ю. Г.: Да. Правильно, Наташа, ты замечаешь, что сейчас то, что мы делаем, мы делаем для науки и для читающей публики.

Н. В.: То есть эти ваши результаты никуда не ушли.

Ю. Г.: Да. Социологических исследований много проводится, но эти исследования проводятся по заказам других фирм. Я Андриенко прямо спросил в 90-е годы: «А какие [заказчики]?» — «Заказывают западные фирмы насчет покупки». — «Но это же вы на ЦРУ работаете!» — «Ну а что делать! — Он сказал. — Мы должны выживать!» Вот так! Так что, кто платит...

Н. В.: То есть сейчас вы не можете провести исследования?

Ю. Г.: Как? Сейчас вообще Академия наук зажата. Я вот на студентах проводил, потому что студенты — это... Кстати, во всем мире проводят на студентах, да. Но там еще платят студентам за это, я знаю, а мы не платили. То есть мы можем многое делать... Вот этот потенциал выявления мнения, чего угодно... Я даже так иногда говорю: «Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры — и я переверну земной шар», а я говорю: Дайте нам средства на проведение обследования, и любую социальную проблему мы можем либо решить, либо сказать, что она нерешаемая». Вот так.

Н. В.: Либо какие-то причины установить этой проблемы.

Ю. Г.: Да, по крайней мере. Информация дорого стоит, и сейчас деньги определяют, к сожалению. Вот так, Наташа. Еще какие вопросы?

Прогноз на будущее

Н. В.: Тогда давай в завершение о будущем... Ты доктор экономических наук и считаешься ведущим сотрудником. И даже в каком-то смысле лидером направления. Что ты думаешь о будущем, что нас ждет?

Ю. Г.: О будущем? Ничего хорошего я пока думать не могу, Наташа, не могу. Я сказал уже даже в сумбурном своем выступлении на этой конференции, меня умотали там в конец. Я сказал, что сейчас...

Н. В.: Конференция 50-летия ЦЭМИ.

Ю. Г.: Да, я ничего не успел сказать, я привел самое главное — три базовых потенциала. Только их гармония гарантирует благополучие. А сейчас все три разрушены. Это факт, понимаешь!

Н. В.: Значит, не только их гармония, а как бы и насыщенность, сила, что ли, каждого потенциала, а потом уже гармония.

Ю. Г.: Скажем, пятьсот лет назад была гармония какая-то. В николаевской России было некое равновесие, одно соответствовало другому. А сейчас науку разрушают, образование с наукой разрушили. Экономика разрушена. Психология людей, общественное сознание развалено, расколото на две части и больше. Это то, что есть. Но если говорить об уровне — ситуация катастрофическая. Для меня сейчас — это я уже говорю о своем — для меня важна Россия, я хочу, чтобы Россия существовала, потому что я оттуда вышел, из Советского Союза даже, поэтому главное — спасти, спасти Россию. Но это для меня лично. Потому

что сейчас есть точка зрения... Я помню, один мехматянин, в 99-м году я с ним занимался: «А я вообще не понимаю, что такое патриотизм». Для меня — Россия, поэтому в той части бытия нашего, которое определяется политикой Путина во внешнем, я его поддерживаю. А если говорить, что сейчас делается, положительного я не вижу.

Н. В.: То есть перспектива плохая...

Ю. Г.: Сердюковщина. Я жду еще, так сказать, жду. Сердюковщина процветает.

Н. В.: Ладно. Спасибо.

Отношения с КГБ

Ю. Г.: Про КГБ отношение, да? Что именно про КГБ хочешь ты спросить?

У меня целая история отношений с КГБ, пожалуйста. Началась она со школьной скамьи, с девятого [класса]. Установлено, так сказать, что школьниками следили за нами. Письма читались наши. Лёвке показывали его письмо ко мне... Дальше, когда в университет я поступил, продолжалась эта история. В Большом доме я был, и мои друзья были. На втором курсе я был избран комсоргом группы. И вот вызывают меня однажды в деканат. Я сразу понял, что там такое. Молодой парень, тридцать лет. Говорит: «Вы комсорг?» — «Да». — «Просто мне хочется побеседовать. Вы догадались, что я из Комитета?» — «Конечно». — «Ну вот, меня интересует, были ли высказывания...» — и называет фамилию. — «Нет, он нормальный...» Идет такой разговор, потом спрашивает: «И что, в группе сомнений в линии партии не было?» Я говорю: «Во всей в группе не было, но у меня были, в прошлом году меня допрашивали» (*смеется*). Он на меня такие глаза, дурак! Представляешь, он даже не посмотрел досье!

Н. В.: А пришел как к комсоргу.

Ю. Г.: Я говорю: «Вот у меня были сомнения». Все, он смолк. Ну вот. Потом такой был эпизод...

Н. В.: Но ты был же комсомольцем, если был секретарем...

Ю. Г.: А как же, а коммунистом никогда не был...

Н. В.: А коммунистом уже не был.

Ю. Г.: Да. В девятом классе я тоже был комсоргом. Тут целая история. Меня собирались выгонять, но группа, тридцать восемь человек, только трое «против», но это детская история, ладно. Теперь следующая история. Когда создавался институт, я...

Н. В.: ЦЭМИ, да?

Ю. Г.: ЦЭМИ. Я брал людей, которые независимые, с независимым мышлением, толковых ребят набирал. Было двенадцать человек, извини, женщин у меня было мало в лаборатории, двенадцать мужиков и две девчонки. Нет, три, наверное, не важно. Но я набирал независимо... Я говорил: «Ребята, будем заниматься наукой, никакой политики». И моя цель была сделать нашу науку полезной для общества, для правительства, для Госплана. И что происходит? Получилась Запорожская сечь: Потругин, Громин — это какая-то...

Н. В.: Каждый в свое.

Ю. Г.: ...это такая компания, да. Лёня Васильев, который репрессирован был ни за что, вернулся алкоголиком. Что делает Лёня? Я был, слава богу, в отпуске — он в нашей большой комнате поджег все плакаты «Да здравствует...», он их поджег.

Н. В.: То есть внутренние диссиденты какие-то.

Ю. Г.: Ну да. Не нравится мне слово «диссиденты». Он в пьяном виде мочился на портреты вождей —

на Арбате такие огромные портреты...

Н. В.: Специфический протест.

Ю. Г.: Третье, значит, что: листовки какие-то были. В результате все это пришло в ЦЭМИ от КГБ, и меня приглашают. Во-первых, приходит инструктор, не инструктор — куратор, кагэбист, Михаил Михайлович его звали, я запомнил. И партбюро вместе с дирекцией обсуждает проблему: неправильная практика подбора кадров. Меня обсуждают, а я беспартийный. Тем не менее я выговор получаю. И меня не критиковали только Эдик Баранов, твой начальник, и Раппопорт. «Вот этот Гаврилец, у него формальная...» У меня же модель преступности еще была...

Н. В.: Да, ты не рассказал!

Ю. Г.: Не рассказал.

Н. В.: Это интересно же!

Ю. Г.: Вот, и мне предложили выгнать кучу [народу]. Я сказал: «Никого я выгонять не буду». Но я не защищал. Я и ребятам сказал: «Юрка, тебя не защищаю... Лёня, ты обещал, ты лучше уйди!» Пьяница, алкоголик. Гольденберга я не отдам, не отдам Валю Черникову, не отдам еще кого-то. Все! Я был злой, я как раз тогда готов был выходить на западные средства [массовой информации]. Что это такое: политики разгоняют научные [центры]!.. Эти ушли ребята...

Н. В.: А скажи, как ты в своей лаборатории создавал творческую атмосферу? Ты начальник как действовал? Почему были эти интересные семинары?

Ю. Г.: Ну, Наташа, это... Во-первых, сама тематика всем была интересна...

Н. В.: Тематика?

Ю. Г.: Там был один человек, хороший парень, у него интерес, но он не мог особенно работать. Не хочу фамилию называть. У нас были данные по рецидивистам, и у меня очень хорошие отношения с [Кудрявцевым Владимиром](#), Владимир Николаевич, он потом академик, в Президиуме Академии наук был, почти мой друг, так сказать. Я думаю, он меня и защищал в каком-то смысле, он генерал-лейтенант КГБ. И там увидел железные закономерности распределения преступности, построил я модель...

Модель преступности

Н. В.: А какие там закономерности?

Ю. Г.: Например, могу нарисовать...

Н. В.: Не надо рисовать.

Ю. Г.: Тысяча человек осуждены в этом году. Смотрим: один в первый раз, второй раз, третий... До двенадцати судимостей были люди. Теперь посмотрим процентное соотношение. Оказывается, следующая ступенька по судимости ровно в два с половиной раза меньше, чем предыдущая, то есть 40%... Если осуждены сто человек второй раз, то в третий раз будет сорок человек, в четвертый раз — 40% от этого. Четкая кривая, зависимость, так же, как города распределились, закон...

Н. В.: Да-да, закон Ципфа.

Ю. Г.: Ципфа, Парето и так далее. Когда я увидел эти...

Н. В.: То есть закономерности.

Ю. Г.: Закономерности. Их надо объяснить. Я построил модель, где были «первый раз судится» — в первый раз случайные могут попасть. А дальше есть вероятность того, что ты совершишь преступление... Через

три года в среднем выходят. То есть такая марковская цепь получалась, которая показывала, как складывается эта картина.

Н. В.: Устойчивая преступность такая.

Ю. Г.: Устойчивая, да.

Н. В.: А вы изучали, как она зависит от внешних обстоятельств?

Ю. Г.: Нет. Я сделал доклад в НИИ МВД. Я говорил, что можно прогнозировать преступность, но тогда запрещалось прогнозировать брак на производстве, преступность. Идеологический идиотизм, по-моему: нельзя это прогнозировать, это надо минимизировать! Что значит вы прогнозируете? Вот эта глупость была...

Н. В.: Потому что из этого же должны быть какие-то практические результаты. Если вам известно, что 40% будут совершать вторично, значит, надо с ними как-то работать.

Ю. Г.: Надо смотреть, конечно. Во-первых, там были правила: если человек выходит, надо оказывать ему внимание, устраивать на работу... Целая серия вытекала из этой модели.

Н. В.: Ну да, из этого же вы сделали практические рекомендации!

Ю. Г.: Но это было рано. Через несколько лет, мне кажется, там уже стали [применять] подобные модели... Но статью я передал, и не знаю, какая судьба...

Н. В.: Туда, в правоохранительные...

Ю. Г.: Да, туда, в МВД, вот так. Что еще?

Н. В.: То есть социологические исследования, получается, что они повисают.

Ю. Г.: Повисают, конечно.

Н. В.: То есть мы их делаем, а они потом повисают, и никому не нужны.

Ю. Г.: Иногда так получается.

Н. В.: Хотя все-таки, пока делали, еще в советское время, как-то поддерживало? Как вы деньги получали на эти исследования?

Ю. Г.: Да никак! Это научная работа, план — и все.

Н. В.: Просто план научной работы.

Ю. Г.: Да, и пишем. Куда? В Госплан или куда там.

Н. В.: А вы имели в социологии какие-то отношения с государственными органами?

Ю. Г.: Ну вот, с крайкомом. Я с Минцем, имени его не помню, организовал этот самый филиал...

Н. В.: Филиал.

Ю. Г.: Филиал ЦЭМИ, Краснодарский сектор. Вот, пожалуйста.

Н. В.: Да, прямо видно, да.

Ю. Г.: Краснодарский сектор социологических исследований при крайкоме. Там был на общественных началах...

Н. В.: А кто инициатором был, ты?

Ю. Г.: Я вместе с Минцем ездил. Два беспартийных, один — старый еврей, другой — молодой беспартийный (*смеется*). В крайком пришли мы, там обрадовались, что Академия наук выделяет ставку...

Н. В.: Да-да.

Ю. Г.: Тут же пошел [разговор], кто будет начальником. Это отдельная история.

Н. В.: Не важно, да.

Ю. Г.: Да, вот. Но потом Римашевская стала там проводить какие-то свои [исследования]. И поскольку я в отделе у Римашевской был, мы там проводили исследования по культуре, кстати, демографические. Но потом Римашевская все перехватила, и загубили они с Шаталиным...

Н. В.: И там закрылся потом этот филиал?

Ю. Г.: Передали его Институту социологии.

Н. В.: А, то есть он перешел в Институт социологии.

Ю. Г.: Да-да.

Н. В.: Скажи, пожалуйста, конкуренция была большая? Ты говоришь, Римашевская тебя там оттеснила с какими-то своими исследованиями.

Ю. Г.: А как же!

Н. В.: Большую роль играла конкуренция между людьми?

Ю. Г.: Конкуренция — это рыночная терминология. Там просто распределительная система была, исследования определяли начальники: какие темы и все. Это даже конкуренцией...

Н. В.: Нельзя назвать.

Ю. Г.: Не особенно.

Н. В.: То есть начальство решало, кому дать деньги.

Ю. Г.: Начальство решало, да.

Н. В.: От чего это зависело?

Ю. Г.: Римашевская — партийный человек и так далее. Там конфликтов не было, я просто перешел потом от Римашевской в другой отдел, я оставался независимым всегда.

Н. В.: Значит, просто у вас были разные научные подходы, разные взгляды.

Ю. Г.: Разные, да, разные подходы.

Н. В.: Скажи, пожалуйста, как тебе кажется... Все-таки я смотрю, что все эти идеи пришли из-за рубежа, да? Эти основные книжки. Правда, кроме Слуцкого. Переводные. А как вообще наша...

Ю. Г.: Да я так не сказал бы.

Н. В.: Как вообще эта наша социология с западной сейчас, в каких она отношениях?

Ю. Г.: Социология, по-моему, хилая как была и на Западе, и у нас, так и осталась. Сама социология.

Н. В.: А у нас...

Ю. Г.: Я читал много всяких статей социологических западных в то время — такие хилые. Самая лучшая по социологии книжка — перевод статей 66-го года. Там конкретные задачи решаются, конкретные задачи. Правда, сейчас математическая социология есть, развивается, но она такая, сугубо математическая. На Западе журналы есть...

Н. В.: «Математическая социология».

Ю. Г.: «Математическая социология»...

Н. В.: А вы там публикуетесь?

Ю. Г.: Нет-нет!

Н. В.: А туда трудно пробиться?

Ю. Г.: Как в любой зарубежный — да, трудно пробиться, конечно.

Н. В.: Почему трудно? Из-за языка или какие-то другие вещи?

Ю. Г.: Нет, не только из-за языка, там тематика... Контакт сейчас нет. У нас свои проблемы, вообще говоря, я бы так сказал, свои проблемы, свои интересы. Мы идем в какую-то сторону. В американских журналах был такой Медов, ты знаешь? Паша Медов, русский. Он работал с ЦЭМИ, и мои какие-то работы там публиковались на английском, они сами переводили даже...

Н. В.: В этом...

Ю. Г.: В американском.

Н. В.: А где тебя еще публиковали?

Ю. Г.: Меня публиковали в Болгарии, Румынии. В Польше книжка моя вышла, когда там революция у них была. И социологическая — в Америке, в Канаде. Был такой сборник, который Аганбегян с американцами делал. Он вышел сразу в Лондоне, в Торонто и на русском языке.

Н. В.: Юра, что их больше интересовало: твои методы, твои как бы...

Ю. Г.: Кого «их»?

Н. В.: Тех, кто переводил. Или реальность нашей жизни? На что они обращали внимание?

Ю. Г.: Нет, я думаю, на саму модель больше...

Н. В.: На модели, были интересны модели.

Ю. Г.: Правда, на модель... Книжка, которую в Польше перевели, на нее даже Полтерович ссылался. Модель равновесия для социалистической экономики. В Польше она, так сказать, была в жилу, наверное, эта книжка 74-го года.

Н. В.: А почему она в Польше была в жилу?

Ю. Г.: Там в 80-м году, когда вышел перевод, началась революция профсоюзов.

Н. В.: И на какую твою идею они опирались?

Ю. Г.: Ни на какую, просто совпадение.

Н. В.: Совпадение.

Ю. Г.: «Солидарность» в 80-м году и книжка в 80-м, вот и все.

Н. В.: То есть случайное просто совпадение.

Ю. Г.: Думаю, что да.

Н. В.: Да. Значит, наши методы, наши чисто научные вещи более интересны были, чем описания нашей жизни или наши проблемы.

Ю. Г.: В моих работах описания реальности особого нет.

Н. В.: Скорее примеры, модельные.

Ю. Г.: Да, отдельные примеры. Цели-то у нас были большие, конечно, но до них...

Н. В.: Скажи, это твое направление — оно само по себе или оно тоже как-то с Западом связано, твои работы? Насколько там у тебя есть конкуренты, уж извини, где-нибудь в Америке?

Ю. Г.: Да нет, наверное, особых конкурентов...

Н. В.: Подобные работы там в этой области...

Ю. Г.: То есть по установкам там есть, но там другой подход, совсем другой подход.

Н. В.: По функциям полезности... А социальная справедливость, какие-то работы...

Ю. Г.: Да, но там вообще не занимаются в таком плане, как я. И вообще с функцией общественного благосостояния сейчас там нет работ, это вначале было. Мы ведь работали, экономисты, на Госплан...

Н. В.: Но это вначале, когда начиналось.

Ю. Г.: Вначале, да.

Н. В.: Как экономисты.

Ю. Г.: В целом для государства. А сейчас рынок. Он не только рынок, а вообще и рынок финансов.

Н. В.: А критерием оптимальности ты занимался вначале?

Ю. Г.: Конечно. Критерий оптимальности — это и есть функция общественного благосостояния. Как ее найти.

Н. В.: Ну, для всего народного хозяйства.

Ю. Г.: Для всего общества, да-да.

Социальная справедливость и социальная напряженность

Сейчас я занимаюсь равновесием. Моя аспирантка, в Вологде, она здесь защищалась, там, на Северо-Западном округе мы построили модель равновесия. И смотрели, устойчива или нет...

Н. В.: И результаты ее были востребованы там, в Вологде?

Ю. Г.: Как! Опубликованы и доложены, конечно! Доложены в администрации. И сейчас с ними контакты у меня, с Вологодской областью.

Н. В.: Значит, все-таки какой-то есть интерес, в провинции хотя бы.

Ю. Г.: Да, есть.

Н. В.: То есть в провинции больше этим интересуются, чем в Москве.

Ю. Г.: Регион, вот этот регион, да. А у меня нет контактов «вверху» сейчас.

Н. В.: Поэтому это теперь никому не нужно. А как ты думаешь, тема социальной справедливости в науке нужна нашим властям?

Ю. Г.: Как-то я с Левадой встретился, когда пошли перестройка и рынок. Говорю: «Юрий Александрович, давай теперь о справедливости социальной...» Кстати, главу о социальной справедливости в этой книжке выкинули у меня. В 83-м году вышла книжка, оттуда выкинула моя бывшая студентка, редактор. Он [Левада] говорит: «Ну что, теперь зачем о справедливости говорить!» Я говорю: «Как зачем?» — «Сейчас рынок, сейчас сам установит!» Я говорю: «Хорошо, а социальная напряженность, обратная сторона?»

Н. В.: Да-да.

Ю. Г.: «А! Это другое дело». Вот такой был последний разговор.

Н. В.: То есть подход со стороны напряженности... Чтобы не было социальной напряженности, а сама...

Ю. Г.: А на самом деле это и есть справедливость...

Н. В.: Обратная сторона социальной справедливости.

Ю. Г.: Конечно. Но вот вера в то, что справедливость установится в свободном рынке, у Левады была.

Н. В.: А как ты считаешь, социальная напряженность у нас сейчас большая в обществе? Тебе, социологу, как кажется?

Ю. Г.: Я думаю, огромная сейчас.

Н. В.: Огромная.

Ю. Г.: Огромная. Нет, сейчас ситуация нехорошая, нездоровая ситуация.

Н. В.: В смысле и социальной справедливости.

Ю. Г.: Общество расколото, общественное сознание расколото на две части, материально расколото. Сейчас считается нормальным слово «олигарх». Но это же было ругательное [слово]! Киллер — это обычная профессия. То есть если сейчас перейти к терминологии... Да нет, сейчас чудовищная ситуация.

Н. В.: Поэтому в этом смысле ты пессимист.

Ю. Г.: Пессимист, да.